Катерина Кириченко
Отстегните ремни
роман
AdMarginem

Катерина Кириченко
Отстегните ремни

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6574099
Отстегните ремни: роман: Ад Маргинем Пресс; Москва; 2009
ISBN 978-5-91103-062-9

Аннотация

Блестящий дебют Катерины Кириченко – авантюрный роман «Отстегните ремни» – увлекательная история молодой женщины, переехавшей в Нидерланды на постоянное место жительства в 90-е и вернувшейся в Москву в наши дни. Неудивительно, что теперь ее многое поражает и шокирует: элитные магазины с надменным персоналом, странная московская мода, сайт odnoklassniki.ru, патриотически настроенные олигархи, храм Христа Спасителя и нефтедолларовая эйфория. Теперь ей приходится заново учиться жить, а точнее, выживать в этой стране. Короткий двухнедельный визит превращается в бег с препятствиями. По иронии судьбы за ней охотятся рейдеры, милиция и разгневанная жена мужчины, с которым она только что познакомилась. Удастся ли ей сориентироваться в современной России, сможет ли она играть по новым правилам – теперь от этого зависит ее собственная жизнь. Отстегните ремни – мы будем лететь сломя голову.

Содержание

День первый	6
День второй	24
День третий	50
День четвертый	74
День пятый	125
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Катерина Кириченко
Отстегните ремни

© Катерина Кириченко, 2009

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Большое спасибо всем, кто мне помогал.
И всем остальным – тоже.

С Россией всегда так – любуешься и плачешь, а присмотришься к тому, чем любуешься, так и вырвать может.
Виктор Пелевин

А если б не было в нашей жизни горя, то лучше б не было, хуже было бы. Потому что тогда и… счастья бы тоже не было, и не было бы надежды.

Вот.
Братья Стругацкие

День первый

Самолет взревел моторами и пошел на снижение. В иллюминаторе появились сначала густые облака, а когда мы из них вынырнули – потянулся грустный и пасмурный пейзаж из выстриженных лесов, грязновато-бурых озер и дачных поселков. В поселках удивляли две вещи: во-первых, почему при таком количестве лесов и вообще пространства, дачным поселкам отводится так мало места? Дома стоят просто друг у друга на голове, почти не имея участков (дом – вокруг забор, дом – опять вокруг забор…) Во-вторых, откуда в России в двадцать первом веке вдруг взялся этот странный нерусский тип архитектуры? Все домики, как один, были не деревянные, а кирпичные, большинство – из противного ярко-рыжего кирпича, эдакие мини-замки этажа по три, а то и по четыре, и почти все украшены какими-то башенками и полукруглыми арками в псевдоготическом стиле… Какая вообще безвкусица и отсутствие индивидуализма!

Пока я рассматривала открывшуюся мне печальную картину Подмосковья, пилот объявил по радио «пристегните ремни и выключите телефоны». Я пристегнулась, а телефон я никогда и не включаю при полете. Сидевшие передо мной мужчины с заметно покрасневшими за время полета лысинами, все время распивавшие коньяк и закусывавшие чипсами, и только полчаса назад, наконец, задремавшие, просну-

лись и, наоборот, оба немедленно включили свои телефоны. Я стала подсматривать, – просто стало интересно, – чем вызвано такое чувство противоречия, может, у них дела неотложные какие? Но нет, дел не оказалось. Один из них просто заиграл во что-то типа «тетриса» на своем мобильнике, второй же пищал кнопками и что-то там смотрел, может, эсэмэску кому решил послать? Да-а-а, подумала я, русский народ никогда не понимал порядка и дисциплины, а слушаться готов был лишь под кнутом. И как их только отучили курить в туалетах самолета? Били, что ли? А что ждет Россию, когда и до нее докатится мировое поветрие полного запрета курения во всех общественных местах, включая рестораны и бары?!

Самолет тем временем удачно приземлился, все дружно похлопали пилоту и, немедленно повскакивав со своих мест, потянулись по салону к выходу. Выход, понятное дело, еще был закрыт. Толкая друг дружку объемной ручной кладью, народ ужался, чтобы хоть куда-то продвинуться. В затылок задышали перегаром. Мне кажется, в России всегда так было: если вперед идти уже больше некуда, то для видимости некого движения народ просто начинает утрамбовываться плотнее. Поддавшись общему настроению, я тоже зачем-то вылезла в проход, – дурной пример заразителен. Ну и духотища! Подачу кислорода уже отключили, экономит «Аэрофлот» родимый. Эх, надо было, конечно, лететь KLM, и что меня потянуло на экзотику? Мне в спину довольно больно уперлось что-то жесткое и угловатое. Где-то сзади истош-

но заорал ребенок. Вперед было не пройти, к тому же у меня возник какой-то внутренний протест: утрамбовываться принципиально не хотелось, хотелось держать нормальную цивилизованную дистанцию, чего бы это ни стоило, а стоило это того, что приходилось сдерживать спиной напирающую толпу, которая видя, что я недостаточно прилегла грудью к спине впереди стоящего, давила еще сильнее. Убирали пробелы, уравнивали очередь. И зачем они так давят? Все равно никого не оставят в самолете, всех выпустят, а не выйдешь сам – выгонят, ведь обратный рейс тоже денег стоит! Да и в город мы выйдем не в том порядке, в каком покинули салон, а в лотерейной последовательности: чей багаж приедет первым на ленте.

Меня охватили Тоска и Сомнения. Стоило ли мне, после всех этих лет, приезжать в Россию? Сидела бы в своей Голландии и дальше… Куда я еду? Сколько я здесь не была? Выходило, что с момента, что я, как потом оказалось, навсегда покинула родину, прошло ровно четырнадцать лет. Как быстро куда-то спешит по своим космическим делам время, безжалостно увлекая нас за собою! Половина пути уже пройдена, а к чему все это было и о чем? Кто я вообще такая: та девочка в узких джинсах, с дешевым чемоданом, садящаяся в увозящий ее в неизвестность международный автобус, или уже сложившийся взрослый человек, успевший немало увидеть и пережить? Я попыталась увидеть себя со стороны, стоящей в душном салоне самолета, посреди напирающей тол-

пы бывших соотечественников, и с замиранием сердца готовящейся впервые за многие годы окунуться в страну, которую я совсем почти уже забыла, и весьма противоречивую информацию о которой я давно уже получала в основном из западных СМИ да из нечасто доходивших и еще более запутывавших меня телесериалов типа «Бригада» или циничных книг вроде «Духлесс».

Слишком худая для своего высокого роста, с копной вечно растрепанных длинных вьющихся волос соломенного цвета, я все еще выглядела лет на двадцать пять. Слегка выдавали меня только недавно появившиеся морщины, расходящиеся лучиками от внешних уголков глаз, и взгляд, уже лишенный наивной молодежной эйфории. Одевалась я по-европейски небрежно и расслабленно, беззаботно комбинируя протертые джинсы с изящными приталенными пиджачками голландских и бельгийских дизайнеров, обувь предпочитала удобную, а аксессуары – недешевые. Косметикой же и вовсе пользовалась редко. Недавно мне стукнуло тридцать четыре, и, почему-то впервые не обрадовавшись своему дню рождения, я улетела в гордом одиночестве туда, где заведомо не могла встретить ни одного знакомого лица (выбор наобум пал на Исландию). Бесцельно пробродив весь день по улицам и забившись, усталая, в уютный ресторан, я заказала отличнейший ужин, позволив себе роскошь запить его арманьяком моего года рождения. Голландские друзья покрутили пальцем у виска, найдя мою выходку излишне эксцентрич-

ной, но мне (что тоже приятно) наконец-то было наплевать, кто и что обо мне думает.

Причиной моего приезда в Москву был Макс. Потратив годы на то, чтобы свить себе приличное гнездо в маленькой, но гордой европейской державе, открыть и наладить собственный бизнес, завести новые привычки и друзей, я как-то совершенно безысходно никак не могла там устроить свою личную жизнь. От прилизанных и насмерть перепуганных десятилетиями женской эмансипации голландских ухажеров мне совершенно не пахло мужчинами, к тому же в них мучительно недоставало чего-то «настоящего», хотя определить, чего именно, я так никогда и не могла. Русских же в Голландии жило совсем немного, и в массе своей они прозябали, коротая однообразную жизнь на социальные пособия, постоянно жалуясь на все вокруг, выливая ушатами грязь на дождливый климат и действительно неблагозвучный голландский язык, охотно впадая в столь модные в Европе депрессии и не вызывая во мне никакого интереса. Годы проходили мимо в коротких и не оставляющих никакого послевкусья романах, и я уже начала было подумывать завести собаку (говорят, они скрашивают одиночество совсем не хуже, а порой – гораздо лучше людей), как вдруг, совершенно неожиданно для себя, кажется, сильно влюбилась.

Старательно и с любовью свитый по веточкам, а позже набравший уверенности и хорошо вставший на ноги, мой маленький, но удивительно стабильный бизнес занимался

тем, что помогал «состоятельным господам» из России обзавестись «элитной» недвижимостью в Европе (идиотская, не помню откуда почерпнутая фраза, произносящаяся мной обычно исключительно в ироничном тоне). У меня был снят небольшой, но симпатичный офис, расположенный на первом этаже старинного дома в тихом старом центре Амстердама в Иордане, где на меня работали четыре человека. Я же взяла на себя работу с русскими клиентами, а в их отсутствие заезжала в офис на несколько часов в день, в основном устраиваясь с чашкой мятного чая в тихом внутреннем дворике, чтобы проверить бумаги и отдать какие-то распоряжения, а остальное время проводила как хотела. Денег я зарабатывала не много и не мало, в основном, можно сказать, мне на все хватало. Ну, конечно, если судить по скромным европейским стандартам, лишенным великорусского размаха.

На дворе стоял необычно теплый март. Сквозь распахнутые окна моего офиса в комнаты проникали уже слегка припекающие солнечные лучи, нос щекотал вкусный, как обычно, влажный голландский воздух, настроение было по-весеннему романтичным, и, получив из Москвы очередной заказ на модную в этом сезоне Италию, я решила устроить себе небольшие каникулы и самой слетать на показ дома. Так мы и познакомились с Максом.

Посмотрев на парочку домов в западной Лигурии, он пригласил меня на ланч, затянувшийся на три часа, за которые я неожиданно, против всякого обыкновения, выпила почти

графин домашнего вина и, слегка захмелев то ли от итальянского солнца, то ли от блестящих карих глаз своего московского клиента, болтала без умолку всякие глупости, начисто забыв о бизнесе.

После ланча Макс сразу же улетел по неотложным делам в Россию, но вскоре переговоры о покупке дома возобновились. Отпуская сотрудников по домам, я засиживалась допоздна в офисе, часами болтая с Москвой. Сначала наши разговоры носили невинный характер и крутились все больше вокруг недвижимости, но потом как-то незаметно мы перешли и на более личные темы, и уже через месяц я поймала себя на том, что если Макс не звонил один вечер, то я начинала грустить. Когда же вечернего общения стало не хватать, Макс добавил к нему и дневные эсэмэски с ничего не значащими фразочками типа «Как поживаешь?» или «Привет из Москвы!», написанные наспех в залах ожидания аэропортов или в перерывах между постоянными переговорами и разъездами, из которых состоял его бизнес, и, читая эти короткие послания, я замечала, как стало замирать мое сердце. В мае Макс предложил мне приехать к нему в Москву. Посомневавшись пару дней, я метнулась по магазинам, освежила гардероб, провела полдня у парикмахера и, огорошив родителей сообщением о своем внезапном приезде, страшно нервничая, села в самолет.

Нервничала я в основном из-за того, что совершенно не знала, как себя с ним вести. Макс притягивал меня своей по-

чти магической уверенностью в себе, бархатистым низким голосом, множеством нежных словечек и каким-то непонятно откуда моментально родившимся покровительственным ко мне отношением, из-за которого я чувствовала себя рядом с ним почти маленькой девочкой. С Максом я вспомнила совершенно забытое с голландскими моими ухажерами слово мужественность. Пугала же меня больше всего – обратная сторона той же медали, а именно эта столь большая его в себе уверенность, корни которой я усматривала в огромном бизнесе, которым ворочал в России мой новый знакомый. Очень смущало и другое: судя по всему, Макс был слишком уж богат, а следовательно, относился к типу людей, сформировавшихся в России уже после моего отъезда. Я о них совершенно ничего не знала. Новомодные словечки, быстро проникшие на Запад, вроде «новый русский», «нувориш» и «олигарх» всегда вызывали у меня только снисходительную улыбку, к эксцентричному и часто откровенно бескультурному поведению своих состоятельных русских клиентов я относилась в глубине души с презрением, а после просмотра «Бригады» стала подозревать, что у всех этих состояний и вовсе растут бандитские ноги.

Начав с сети аптек, со временем Макс приобрел и собственную фармацевтическую фабрику, а сейчас увлеченно и с полной самоотдачей занимался строительством больниц по всей России. Знакомых, имеющих свои собственные аптеки и больницы, у меня никогда не было, и что надо сделать в

жизни и каким вообще быть, чтобы к тридцати пяти годам (а выглядевший сильно старше своего возраста Макс на поверку оказался почти моим ровесником) добиться такого, я никак не могла себе представить. Может, он просто очень умный? Судя по тому, что писали о русских миллионерах в нашей западной прессе, ум здесь не являлся обязательным условием. Им просто повезло: страна лопнула, треснула по швам, распалась на куски, и куски разобрали по рукам. Но ведь в России живут миллионы человек… Или даже миллиарды? Нет, это китайцев миллиарды, а русских – миллионы… Я не знала точно. Но выходило по-любому: если русских много, а миллионеров куда меньше, значит, эти миллионеры все-таки не обычные русские, а очень умные? Все куски ведь именно им достались! Скоро я это узнаю. А пока мне требовалось успокоиться. И двигаться к выходу. Выход, кстати, уже открыли, и мы поползли к нему по узкому проходу между сиденьями.

Народ уже подрасслабился и толкаться перестал. Я же – все больше напрягалась. Мне захотелось немедленно доплатить наличными стюардессе и остаться в самолете. Вспомнилось, как я четырнадцать лет назад впервые приехала в Амстердам. Ехала я тогда, для экономии моих студенческих средств, на автобусе, сорок восемь часов без остановки, на сломанном каком-то, дешевом автобусе, через Польшу и Германию, и чем дальше ехала, тем больше мне хотелось повернуть… А когда доехала, и водитель объявил, что вот,

конечная станция, Амстердам, выходим, я села на корточки под сиденье и спряталась, чтобы меня не заметили и отвезли обратно в Москву. Мне было жутко страшно: куда я приехала, к кому? Я же почти не знала этого парня, с которым познакомилась в свою предыдущую туристическую поездку в Амстердам, и видела я его всего две недели… Как я могу к нему сейчас выйти? А если я его просто не узнаю? В Москве – работа, квартира, вся жизнь… А здесь что? Сейчас же, в салоне самолета, чувство было почти такое же, – спрятаться и полететь назад, туда, где квартира, работа, вся жизнь, – в Амстердам. Может, я авантюристка? Почему я вечно еду не туда, где квартира и работа, а, наоборот, оттуда? Или это какой-то внутренний протест? Такая специальная программа саморазрушения?

Выйдя из самолета, мы потянулись каким-то пластмассовым коридором, по лестнице, на паспортный контроль. За стеклом была Москва. Ну, может, не сама Москва, город-герой, а теперь еще и один из самых дорогих мегаполисов мира, а всего-то аэропорт, но ясно – не западный. Асфальт треснувший, люди двигаются как-то не отлаженно, тележки с багажом – обшарпанные, и главное – цвет! Все было слегка в серой гамме. И небо, и одежда на людях, и даже воздух. Молчу уже о самом аэропорте – прямо декорация из фильма ужасов: все облезлое, советское, и кругом сплошные очереди. И куда вообще Лужков смотрит? «Шереметьево-2» – лицо страны, а тут кругом такое откровенное убожество и грязь.

Приезжают иностранцы, еще в гламурной Москве не были, судят по первому впечатлению, а оно просто омерзительное. Хотя уж не равняю ли я себя с иностранцами? И это в городе, в котором родилась и выросла? Решив, что во всем виноваты мои нервы, я запретила себе делать преждевременные выводы.

На паспортном контроле порядка тоже не оказалось. Самая короткая очередь – к стойке с надписью «дипломаты». Вся очередь при этом состояла из каких-то теток с авоськами. Слегка посомневавшись, я примостилась за ними и робко спросила у впереди стоящей девицы, явно не дипломатического вида:

– Простите, пожалуйста. А не дипломатам тоже сюда можно?

Девица удивилась вопросу, она, кажется, вообще не видела, в какой очереди стоит. Потом поняла меня через полминуты:

– Да, ясный пень, можно. Ну, я так думаю, что можно.

«Ясный пень»… Этимология некоторых выражений порой не поддается никакой логике. Вспомнила, как однажды на вечеринке в Амстердаме пыталась перевести голландцам фразу-анекдот: «Воды по колено, а рыбы до хуя».

Достоялась наконец. Мама милая, минут двадцать простояла на паспортный контроль, как в бомбейском аэропорту. Виза у меня была в порядке, не буду даже вспоминать очередь у российского посольства в Гааге, где я стояла с други-

ми голландцами три дня подряд с девяти до двенадцати прямо на улице под дождем и быстро научилась по новой, потому что новое, как говорят, – хорошо забытое старое, писать номерочки шариковой ручкой на тыльной стороне ладони! У нас там и перекличка была, на голландском языке. Какой-то больше всех доведенный беспорядком до бешенства Ханс вызвался быть добровольцем-организатором:

– Nummer eenendertig!

– Ja!

– Nummer tweeendertig!

– Hier!

Как на войне прямо, господи! Устроит же российское правительство даже за границей свой мини-совок! Стыдно просто за страну, в конце концов! Особняк себе купить в центре Гааги – денег у них хватило, а поставить в холле цивилизованные кресла для ожидания и как-то оптимизировать запись в консульство, чтобы народ по три дня там не толпился, – это уже непосильная задача. Понятно, что про народ в России традиционно никто не думает, но думали бы хоть о своем международном имидже, что ли… Хотя после того, как Путин в лучших хрущевских традициях стучит кулачком (хорошо, не ботинком!) на международных мероприятиях, что, мол, уважать себя заставим, на черта еще нужны эти креслица в Гааге? И так, по-моему, всем очень ясно, как Россия себя в последнее время позиционирует на международной политической арене.

Вещи приехали на удивление быстро. Ничего не украли, мелькнула мысль. Проверила замок на чемодане. Все в порядке. Откуда такой страх, будто что-то должны были украсть? Опять новое – хорошо забытое старое? Определенно, у меня просто нервы не в порядке. Зашла в туалет, расположенный в зале багажа. Заглянула в кабинку, поозиралась в поисках туалетной бумаги. Ни бумаги, ни мыла в пустом контейнере над раковиной, ни бумажных или иных полотенец не обнаружилось. Решив, что до дома уже недолго, я еще раз строго-настрого запретила себе делать какие бы то ни было преждевременные выводы и, посмотрев в пыльное зеркало, подбодрила себя улыбкой. Улыбка вышла кривоватая. Ничего, завтра будет другой день, я высплюсь и нервы восстановятся, подумала я и вышла обратно в зал багажа.

Чемодан за мое отсутствие никто не украл, и на том спасибо!

В такси случился настоящий прикол. Меня это даже развеселило. Поторговавшись о цене, села в «Волгу», с таким шофером за рулем! Ну прямо девяностые годы. Спортивные штаны и куртка типа «Адидас». И это после голландских-то таксистов в хороших костюмах, глаженных рубашках, а часто – и в запонках! Попыталась сесть на заднее сиденье, услышала: «Да садись сюда, там грязно». Села на переднее, автоматически пристегнула ремень. И сразу получила: «Ты что, мне не доверяешь?» Аж дар речи потеряла. Как ответить на такой вопрос? Да я и не думала «не доверять»,

я вообще о нем не думала как о человеке, просто пристегнулась. Оказалось – не надо, обидела человека. Отстегнулась и поняла в ту же секунду: я в таком специальном мире, где гарантий больше не будет, где все произойдет так, как произойдет, и пристегиваться здесь – не работает, не спасет, на все ВОЛЯ БОЖЬЯ и СУДЬБА. Шофер же добил меня окончательно: «Да я шучу. Ты че, не местная? Штрафы ж теперь дикие. Пристегивайся!» Все это почему-то меня слегка расслабило, я улыбнулась и подумала, что в таком такси, наверное, можно и курить. Спросила и узнала, что да, можно, «только бычки – в форточку». Ну, супер, рассмеялась вслух.

Пристегиваться – обидишь шофера, сидеть сзади – испачкаешься, зато курить можно, но при условии, что окурок лучше пусть засорит окружающую среду, но не пепельницу в салоне разваливающейся «Волги»!

Настроение вдруг резко поднялось, прямо подскочило, и мы понеслись в город-герой Москву!

* * *

– Ма-ам!

– Мусечка!

Мама вылетела отпирать какую-то хлипкую застекленную дверь у лифта, которая, судя по ее внешнему виду, все равно не смогла бы остановить грабителей, если бы им пришло в голову залезть в этот пыльный и облезлый коридор нашей

шестнадцатиэтажки.

Мама была красивая. Толстая и красивая. Нарядная, в кружевной блузке, не по-домашнему. У меня немедленно потекли слезы. У нее тоже. Я прислонилась к стене. Сколько мы не виделись? Года три, наверное, с ее последнего приезда в Амстердам, когда она приехала в смешном, длинном таком пальто и нелепо смотрелась на улице. У нас все в куртках, длинное пальто – нигде не купить в принципе. Хотя нет, я видела их однажды в продаже, «Max Mara», по тысяче двести евро, и они даже мне понравились, но я решила, что они меня состарят, и не купила. Да и куда в нем ходить в нашем демократичном городе? В машине оно мешает, на велосипеде – просто не представить, куда его девать…

– Ну как ты, Мусик, добралась? Все такая же худая! – У мамы слегка потекла тушь. Она виновато улыбнулась и потащила меня по коридору в квартиру.

Сказать, что это была моя квартира – не сказать ничего. Да, моя. Я, собственно, тут выросла, научилась пить и курить, а до этого – читать и писать. А до этого – ходить. И мама меня учила. Я помню, как держу ее за палец, а батарея надо мной – огромная, выше меня, и я отпускаю палец и берусь за нее, и боль! Ужасно горячо. Но какая же она другая, квартира эта! Ужасная. Маленькая, тесная, очень перегруженная всем, особенно цветовыми пятнами. Одни обои чего стоят – в нагруженный такой цветочек, и на их фоне мебель, в свою очередь нагруженная вещами. Слезы, уже почти подсохшие,

от вида обоев потекли вновь, да с тройной силой.

У нас почему-то все общение за эти годы сводилось к переписке по имэйлу с сестрой, звонкам по телефону маме раз в месяц, и еще они приезжали ко мне, раза четыре за все эти годы, и были сначала страшно родные, но на третий день уже очень мешали жить и раздражали постоянными дурацкими вопросами. Я же – никогда не приезжала домой… Сначала долгие годы на это не было денег. Потом не хватало времени. А потом, наверное, появился какой-то страх. Мне стало удобнее встречаться на нейтральной территории, мы прилетали, каждая из своей страны, в Париж, например, и проводили там неделю. Маму это тоже устраивало, она иначе вряд ли бы попала во Францию. А так – все в одном флаконе.

– Мамулечка, я умираю с голода, пошли на кухню. – Вышло ненатурально, натянуто. Ничего, сейчас пройдет.

– Конечно, котик, все давно готово, я не знала, когда ты точно приедешь, и все приготовила еще с обеда, только разогреть осталось, – суетилась мама, перекладывая из руки в руку клетчатое кухонное полотенце.

Я сейчас умру? Господи… Я и рада вроде, и в то же время нестерпимо хочется немедленно уехать домой. Слишком много эмоций, сердце отказывается все это принять, защищается. Вызвать бы такси, и все это разом прекратить…

Выбежала моя родная сестра Машка из комнаты, моей бывшей комнаты, вернее, нашей с ней бывшей комнаты, с мобильником в руке, договаривая на ходу кому-то: «Да… Я

перезвоню. Ксюха приехала!» Кинулась мне на шею. Дышать стало почти невозможно, воздух – густой и душный – не шел в горло. Я закопала лицо в ее волосы и закусила губу. Чувствовала себя предательницей. Живу где-то, бог знает где, бросила всех, а они такие щемяще родные! Я тут же дала себе обещание, что отныне буду приезжать минимум два раза в год.

Машка у меня – просто красавица! Как выражалась одна моя старая приятельница: «Молодость не пропьешь». Длиннющие блондинистые волосы, высокая, такая ухоженная вся и видная, – настоящая современная москвичка. Она тоже зарылась в меня всю и заорала:

– Ксенька!

– А папа приедет? – спросила я, высвобождаясь. Просто чтобы о чем-то спросить. Я знала, что не приедет. Они не сильно ладили после развода.

– Сказал, что позвонит в восемь. Пошли на кухню. Я купила вино. – Машка хотела выпить не меньше меня. Мне же без стакана вина наша встреча представлялась дальше просто невозможной.

Вообще-то у меня спокойно с алкоголем, да нервы не выдерживали, хотелось выпить, закурить. Сделать что-то привычное, чтобы сразу не сойти с ума от нахлынувших на меня чувств.

Вино оказалось белым и теплым. И почему-то сладким. Портвейн? Да нет вроде, но гадость редкая. Из полуторалит-

рового пакета с пластмассовым краником, производства Испания, на пакете написано – Шардоне. Разве Шардоне такое на вкус? Но это сейчас неважно. Сейчас главное, что его полтора литра.

День второй

Ну и когда вы встречаетесь? – Машка собиралась на работу и звучала бодро и деловито. – А он знает уже, что ты приехала?

– Ясное дело, знает. Я писала. Он даже спросил, выслать ли машину. Да ну, на фиг мне его машина? Я и на такси прекрасно добралась. Потом мне ж надо было отдышаться, прийти в себя?

– А ты уже ему звонила как приехала?

– Да не, все собираюсь… Маш, я не знаю… я его боюсь, кажется. Он слишком деловой и крутой какой-то.

– Дура, что ли? Это же классно, наоборот! В ресторан пойдете хороший, наверное, раз он такой крутой. – Машка укладывала волосы и курила одновременно. В ванной прямо на раковине стояла пепельница из ракушки. Там же приютилась и Машкина чашка кофе.

Я обвела глазами потрескавшуюся и местами отстающую от стены голубую кафельную плитку, старый коврик на полу, который давно пора было выбросить, полинявшие полотенца, висящие неопрятной горой.

– Мне бы карточку для мобилки купить, чтобы по нашей не звонить. Дорого же… Где б это сделать? – Я тоже пила кофе, сидя тут же, на полу в ванной, чтобы говорить с Машкой.

Она положила расческу:

– А-а-а, это фигня. У любого метро купишь. Ну позвони сейчас с домашнего.

Звонить почему-то не хотелось. Конечно, мы друг другу уже сто раз звонили, собственно, мы провели два последних месяца, ежевечерне не слезая с телефона, и голоса и интонации друг друга отлично знали… Но когда между нами тянулись две тысячи километров, это все было проще, словно не по-настоящему. А сейчас Макс был где-то тут, рядом, может, в моем районе… Слишком близко. И от этого звонить стало страшно, и хотелось придумать дела для отсрочки. Например, купить сначала карточку, или допить кофе.

– Дурочка! Ну позвони ему, – настаивала Машка.

Откладывать было действительно бессмысленно. Я понимала, что раз я впервые за все эти годы все-таки приехала в Москву, и сделала это ради встречи с ним, то не звонить сейчас – просто глупо. И чем дольше тянуть – тем хуже мне будет.

Я набрала номер. Послышались гудки, и потом резкий непривычный голос сказал: «Слушаю». Такой мужской голос и ужасно деловой. Я ни разу не звонила ему с утра. Обычно мы говорили вечерами, и звонил, как правило, он. И голос у него тогда был мягче и медленнее, он даже слегка так приятно растягивал слова, как бы задерживая их во рту и смакуя, как хороший коньяк.

Я испугалась, что отвлекаю его от чего-то важного и крупного, от его больниц и аптек.

– Макс? – Я постаралась придать вдруг ослабевшему голосу веселую непринужденность. – Это Ксения. Я в Москве.

Его голос поменялся, но все равно остался деловым и далеким.

– Приехала? Вот умничка! Вечером увидимся? – И, не дожидаясь ответа: – Давай после восьми, а лучше, девяти. Грузинскую кухню любишь?

Я не была уверена, что хорошо представляю себе, что такое грузинская кухня, но была согласна на любую, подумав, что все равно на первом свидании мне от волнения много съесть не удастся. Представился почему-то огромный кусок мяса и хачапури. Ни того, ни другого уже заранее не хотелось, но я бодро объявила, что мне все равно, какая кухня.

– Вот и отлично. Тогда я еще позвоню ближе к вечеру, у меня сегодня, как обычно, напряженный день, и я пока не могу сказать точно, во сколько. Рад был услышать, чертовски рад! До вечера. – И в телефоне немедленно послышались гудки.

Я слегка растерялась. Куда он будет звонить? Он же не знает моего московского номера.

– Ну твой голландский же мобильник он знает? – подсказала Машка. – Ну и не меняй «симку». Куда ты звонить-то сама собираешься? Иди лучше погуляй по городу, время хоть убьешь. Не интересно разве посмотреть, как у нас тут все теперь?

Машка допила кофе и, кинув мне на прощанье вульгар-

ное «Чао, крошка!», укатила на работу. Работала моя московская сестрица в каком-то крупном банке, и опаздывать ей категорически запрещалось. Я осталась одна в квартире. Мама ушла на работу еще час назад. Делать было абсолютно нечего, и я решила и вправду пойти пройтись по улицам.

* * *

Возможно, я действительно излишне впечатлительная? Или это нормально для человека в моей ситуации? У меня начиналось полное расслоение личности. С одной стороны, я все узнавала: и улицы, и дома, и даже многие детали, например, булочной, где бабушка покупала мне бублики с маком за шесть копеек, и у которой за все эти годы не только не поменялся адрес, но даже осталась старая вывеска. С другой стороны, у меня было ощущение сна, потому что все было такое же, но все-таки очень не такое. Или это я была – не такая? Город вокруг казался и реальным, и нереальным одновременно.

Первое, что я заметила, – это как сильно, почти болезненно я реагирую на русскую речь. Все кругом говорили по-русски, и отдельные громкие обрывки фраз, долетавшие до меня, каждый раз заставляли меня вздрагивать и оборачиваться.

«Да не дергайся ты, говорю, дай сюда руку!»

«Миш! Ну куда ты пошел, автобус же!»

«А вот и не говорите, раз не знаете!»

«… и да, главное же, что они ничего в этом не понимают!»

«Иди, иди, бабушка, что ты здесь встала?»

Я решила, что надо срочно сделать что-то привычное, очень обычное, например, иметь какой-то план, хоть небольшой, но он бы держал меня хоть на чем-то сосредоточенной. Я задумалась: что я, собственно, делаю на улице Амстердама, если вышла бесцельно побродить? Но случая, когда я вышла бесцельно побродить, не припомнилось. Тогда я напряглась и предположила: пойду найду симпатичное кафе и выпью кофе на террасе. Я никогда не курю на ходу, а курить хотелось все утро. Наверное, от нервов. Супер. План был готов: ищу кафе. Я оглянулась. Но кафе вот как раз тут и не было. Все было: суета, множество идущих куда-то людей, остановок автобусов, куча машин, широченные улицы, дома, вереница уродливых торговых палаток, но уютной террасы со столиками в поле зрения не попадалось. Я внезапно почувствовала себя совсем потерянной.

Сделав глубокий вдох-выдох, я заставила себя сосредоточиться на кафе. Как оно должно тут выглядеть? И моментально увидела сразу две вывески. Одна – «Кофе-Хаус», другая гласила просто «Пигмалион», но через стекло просматривались столики и сидящие за ними люди. Впечатления и мысли сменялись в моей голове с такой скоростью, что я не успевала их переваривать. Мозг без остановки что-то комментировал. «Кофе-Хаус». Почему хаус, а не что-то по-рус-

ски? Хотя как бы я это назвала? «Дом кофе»? «Кофейный дом»? Не звучит… А все русские теперь знают основы английского и понимают слово «хаус»? Наверное, все. Хотя погодите… А старушки?

Воображение немедленно подкинуло образ: я – такая вся старенькая, слабенькая, иду медленно по улице, на которой живу последние лет двадцать, в городе, где пережила войну, бомбежки, вырастила детей, и читаю вывески, и мне совершенно ничего не понятно, «хаус» какой-то… Пришло в голову: не «хаус», а хаос. Название же «Пигмалион» мне вообще не понравилось. Разве хоть у кого-то оно может ассоциироваться с дымящейся чашкой кофе, завтраком, едой вообще? Даже слово «кафе» не написано вовсе, то есть я разве обязана знать, что «Пигмалион» – это кафе? Я попыталась вспомнить, кто вообще такой этот Пигмалион. Вспомнилось что-то из греческой мифологии, кажется, это был какой-то царь, который убил кого-то, чтобы завладеть деньгами. Точно, убил мужа Элиссы, основательницы Карфагена. Не зря, оказывается, папа так надрывался над моим образованием, – что-то даже еще осталось в памяти. Название кафе после этого не понравилось мне еще больше. Откуда-то из недр моего излишне богатого воображения возникла ассоциация: это кафе, где маленькие пигмалионы, по-русски – пигалицы, в белых фартучках, травят посетителей кофе с ядом и забирают их деньги. А, интересно, какой смысл вкладывали в название сами владельцы кафе? И почему вообще

название такое сложное?

Опять подумалось про старушку. Вот она идет и что обо всем этом думает? Я сразу нашла ее глазами. Судя по всему, такие проблемы ее не волновали. Она не читала вывесок и вообще не смотрела по сторонам, а вся сосредоточилась на процессе передвижения. Шла с палочкой, очень осторожно, и глядя только себе под ноги. Подумалось, что у нас таким старушкам бесплатно выдают по маленькой машинке на одного человека, которая ездит по велосипедным дорожкам. И еще подумалось, что у моей московской старушки, скорее всего, и денег-то нет на всякие кафе. Хотя, наверное, я все преувеличиваю, и «Пигмалион» – вполне нормальное название. А раздражает не название, а собственная неуверенность, которую я чувствовала, стоя посреди обычного московского перекрестка.

После появления в голове слова «неуверенность» сама неуверенность немедленно высунула голову и, показав мне язык, подкинула озабоченную мысль. А принимают ли они там кредитные карточки? Русских денег у меня пока не было. Из старого опыта следовало, что надо пойти в обменник и поменять валюту. Я оглянулась. Пунктов обмена валюты нашлось сразу два, причем курсы рубля к евро у них заметно отличались. Оба просматривались с моей точки одновременно. Думаю, что с любого места этого перекрестка, где я стояла, они также просматривались одновременно. Ну и зачем ставить на одном перекрестке два обменника, да еще с

разными курсами? Какой идиот пойдет в тот, где тебе дают меньше денег, если рядом есть лучше? И как тогда второй вообще тут выживает? В полное опровержение моих мыслей, к обменнику с менее выгодным курсом тут же подъехала машина и припарковалась прямо на тротуаре. Из нее быстро вышел мужчина в костюме и, на ходу разговаривая по телефону и доставая кошелек из кармана, вошел внутрь. Мне стало понятно. Людей здесь такие мелочи не парят. Все спешат. Время – деньги. Америка прямо какая-то.

Я все же выбрала обменник с лучшим курсом и направилась к нему. Я никуда не спешила. Надо представлять себя туристом, тогда нервам будет спокойнее. Образ туриста был мне хорошо знаком. Полмира объездила. Не волновало ведь меня отсутствие логики где-нибудь на острове Бали? И названия кафе там тоже меня совершенно не трогали. Я слегка расслабилась, найдя себе понятный образ, хотя представлять себя туристом в городе, где ты родилась и выросла, намного труднее, чем на Бали. Но в этом было даже что-то интересное. Перспектива, что через минуту в кармане у меня окажутся совершенно нормальные русские деньги, и я смогу выпить кофе, меня успокоила и придала уверенности.

Но не тут-то было! Выяснилось, что полученные мной в банкомате Амстердама стоевровые купюры – не настоящие, и принять их девушка не сможет! Господи боже! На вид купюры были ну абсолютно такие, как надо. Что за дикий бред?! Я попыталась объяснить, что полностью уверена

в подлинности моих купюр, что я лично их снимала в амстердамском банкомате за день до приезда в Москву. Но девушка выглядела уверенно: принять их она не сможет и даже сочувствует.

– А других денег у вас нет?

Других у меня не было. Я не таскаю обычно при себе наличные. Была кредитка.

– А банкомата неподалеку тут нет?

Оказалось, что есть, очень даже – выбор из двух, оба на этом же перекрестке. Ну вот, опять расслабилась я, – все вышло не так страшно, нормальная цивилизованная страна.

Кофе в «Пигмалионе» – а я выбрала почему-то именно его – оказался вполне сносный. Пенка на каппучино, правда, пожалуй чуть слишком быстро осела, но это было неважно. Я по туристической привычке подсчитала, сколько он стоил. Вышло, что около четырех с половиной евро. Дороговатое кафе. Окинула его взглядом. Да нет, вроде бы везде сидели обычные люди, никаких признаков дорогого заведения я не заметила. Даже скорее наоборот, в безвкусном интерьере угадывалось, что кафе самое обычное, не модное. То, что Москва – дорогой город, я знала. Интересно было другое – откуда здесь у всех вдруг появились такие деньги? В Амстердаме пришлось бы долго раскручивать имидж заведения, чтобы заставить голландцев пить каппучино по четыре евро. Но, списав все на местную специфику, я закурила и посмотрела в окно. Какая все-таки прелесть, что здесь мож-

но курить в кафе! И к черту этих европейских официантов! Не могут дышать табаком, пусть не работают, где накурено.

Куда мне сейчас пойти? Можно было поехать в центр. Раньше, до отъезда, я передвигалась по Москве в основном на частниках. Наверное, и сейчас надо сделать так же. Единственное, что я совершенно не знала, сколько это может сейчас стоить. Но, наверное, по-прежнему недорого.

Вообще-то бедной я уже давно не была. То есть, когда я приехала в Голландию, и меня, разумеется, нашли под тем сиденьем в автобусе и выдали на руки парню, ради которого меня туда и понесло, то выяснилось, что мы очень бедные. Мы жили в снятой квартире с ярко-зелеными крашеными стенами, где почти не было никакой мебели, кроме той, что мы подобрали на улице. Дом выстроили, кажется, в восемнадцатом веке, и все в нем было старое и не работало. Холодными и ветреными голландскими зимами я отчаянно мучилась с газовым каминчиком, чтобы как-то обогреть нашу сырую трехкомнатную квартиру. Каминчик был, как и все в том ужасном доме, сломан, и работал или на максимум, или на минимум. Регулировать температуру между этими крайностями оказалось невозможно. Починить его тоже почему-то было невозможно. Но главная неприятность заключалась в том, что стоял он в гостиной, и из нее нагретый воздух должен был сам переместиться по остальной квартире, для чего температуру в гостиной приходилось доводить до максимума, так, что невозможно становилось дышать, а

в других комнатах по-прежнему было холодно. Самая комфортная температура получалась на стыке гостиной и комнат, а именно в коридоре, где я со временем установила себе стул и столик и проводила почти все время.

Я выросла при комнатной температуре в двадцать три градуса. Советская норма, рекомендованная врачами для общественных учреждений, садиков, школ и больниц. В Голландии же меня поставили перед фактом, что нормальной комнатной температурой считается днем восемнадцать градусов, а ночью четырнадцать. Я нещадно везде мерзла. Я была худая. Я куталась в оренбургскую шаль, которую привезла с собой, и выглядела очень русской. Я напоминала себе жен декабристов или Анну Каренину, в голове крутился какой-то очень русский образ, или жену Набокова в эмиграции, если у него таковая была. Папа в моей голове тотчас подсказал, что была. Кажется, Вера…

О папе я всегда думала с грустью. Он так занимался моим образованием, аж службу поменял на плохую, лишь бы работать недалеко от моей престижной школы на «Арбатской» и возить меня после нее на многочисленные кружки и курсы. А что из всего этого вышло? Живу, как отрезанный ломоть, – черт знает где, не видимся годами, да и весь вложенный в меня Набоков вылился лишь в агентство по недвижимости. Подумалось, что надо бы позвонить папе. Рука потянулась к телефону, но я сразу вспомнила, что у меня в мобильнике нет русской карточки. А я жду звонка от Макса и

не могу пока вынуть голландскую «симку». Звонка от Макса… Мне внезапно стало тревожно. Что-то я слишком его боюсь, или встречи с ним, или не знаю чего еще… Меня мучило какое-то плохое предчувствие, связанное с ним.

Пора было пройтись, разогнать тучи, неожиданно сгустившиеся надо мной при воспоминании о Максе и нашей предстоящей встрече сегодня вечером.

– Девушка, можно мне счет? – Настроение стремительно падало. – И еще, на будущее: не надо каждую минуту менять пепельницу, это раздражает! Кто вас научил такой глупости? В Европе, если вы под нее косите, так никто не делает.

* * *

Время тихонько близилось к девяти вечера.

Балконная дверь на маминой кухне была открыта, и с улицы на кухню лилась приятная прохлада. По-вечернему квакали лягушки из оврага неподалеку. Мы с Машкой пытались мирно и по-семейному выпить чаю, но ни уютно расставленные на блюдцах красные чашки, ни домашнего приготовления сливовое варенье, ни ароматный торт на большом серебряном блюде не могли замаскировать напряженной атмосферы, повисшей над столом и столь явно исходившей от мамы. Поджав губы, она задалась благородной материнской целью всерьез выяснить все детали про мои отношения с Максом.

– Разведен, значит? А давно? И почему? Рассказывай все

нормально, а то будто клещами тянешь из тебя, какая-то ты слишком скрытная там у себя стала.

Машку тоже разбирало любопытство. Устроившись с ногами на стуле в предвкушении интересного рассказа, она положила себе второй кусок сметанного торта с названием, ничуть не менее странным, чем у давешнего кафе, – торт «Панчо». У русских, при всем воспетом в литературе богатстве языка, явно хромала тема с названиями, и, вдобавок, в них просматривался очевидный иноязычный уклон.

– Толстая будешь – никакие красивые шмотки не помогут, – сказала я Машке. – Да вовсе я не скрытная. Просто пока и рассказывать толком нечего. Почему разведен – понятия не имею. Не спрашивала. Знаю, что с женой общается мало и, в основном, из-за ребенка. Девочка у них. Пять лет. Могу вот фото показать.

– Девочки?

– Да нет. При чем тут девочка? Макса, конечно!

– Тащи.

Я достала из сумки фотографии. Вообще-то у меня их было несколько, но нравилась мне больше всего одна. На других Макс был или в шикарном офисе, в костюме и (о боже!) в розовой рубашке, или где-то на заднем плане виднелись его катер или дорогая машина. От всего этого попахивало дурным тоном. Неужели нельзя сняться без всей этой атрибутики? Здесь же он был снят крупно, по пояс, и одет был спокойно, в простую серую рубашку. У него, наверное, было хоро-

шее настроение в тот день, карие глаза улыбались со снимка, и в них играли беспечные чертики. Кадр был сделан где-то на улице, за Максом угадывались деревья, светило солнце, и он чуть щурился, из-за чего от глаз разбегались милые морщинки. Темные короткие волосы слегка растрепаны ветром, загорелое лицо, широкие скулы, нос чуть с горбинкой.

– Он хоть не еврей? – спросила мама.

– Нет, ну мам! Он – Аганов. Чисто русская фамилия. И отчество – Сергеевич. Коренной москвич, между прочим. А нос просто перебит в драке, поэтому такой формы вышел. Ты что-то против него заранее настроена, кажется?

– Да нет… – мама сняла очки и покачала головой, и я не услышала искренности в голосе. – А почему в драке? Он что, бандит?

– Господи, мам! Ну почему сразу бандит?

– Ну, ты сама сказала, что он богатый бизнесмен у тебя. И нос вот сломан.

– И что? Все бизнесмены, по-твоему, бандиты?

– По-моему, если уж ты спросила, то – да, – выдала мама тоном, не терпящим возражений.

Приехали! Я медленно и очень медитативно, чтобы выждать паузу и не начать раздражаться, положила себе второй кусок торта.

– А ты сама толстая не будешь? – подколола меня сестра.

– Я – нет. Я, в отличие от некоторых, три раза в неделю играю в теннис и ежедневно делаю йогу. И торты такие ем

раз в год, и то, только если нервничаю.

– Ну вот она сразу и разнервничалась, – примирительно сказала мама. – Ладно, пускай он будет не бандит. Больше у него ничего не перебито?

– Перебито. Шея, – сказала я почти с вызовом.

– Отлично! – мама аж обрадовалась. – Тоже в драке?

– Тоже. Но не из-за бизнеса, а еще в последнем классе школы. Он за слабых заступался. И, между прочим, от перебитого кадыка у него теперь очень сексуальный голос.

Я в упор посмотрела на маму, и она, как я и рассчитывала, смутилась при слове «сексуальный» и отвела глаза.

– Расскажи лучше, где вы познакомились?

Я расплылась в невольной улыбке, то ли от воспоминаний об Италии, то ли о нашей с Максом единственной встрече.

– В Италии на просмотре дома… Я говорила, что он мой клиент?

– Ты ничего еще не говорила. И?..

– Ну, и… Дом он пытался купить, для дочки, чтобы она там с мамашей летом сидела. В марте дело было. А Лигурия в марте – просто прелесть, мы с тобой как-нибудь непременно поедем. Я решила сама показать дом. Да моих сотрудниц и не заставить с клиентами поработать. Посмотрели мы дом, потом пообедали пару часов, и все, собственно… Разлетелись по своим странам. Дом он в результате не купил, затеяли переписку, чтобы найти другой. Ну и пошло-поехало… Дальше сама понимаешь.

– А дом-то он почему не купил? – приставала мама.

Я пожала плечами.

– А фиг его знает? Русские вообще любят походить, посмотреть, все понюхать, а потом выясняется, что у них и намерений никаких толком не было. Вся Европа уже воет от русских клиентов. Вот поэтому такие, как я, и выживают на рынке. У меня знание русского менталитета, отсюда куча терпения. Хотя из моего офиса, если честно, ни один сотрудник к общению с русскими клиентами не рвется. Пару раз заставила Саскию поработать с англоговорящими покупателями, из Сибири откуда-то, нефтяники вроде, так она потом неделю еще ходила вся зеленая. И жаловалась, что ей в ресторане с ними стыдно было. Один из них официантку подзывает и чуть ли не по жопе гладит, сделай мне, darling, салатик, говорит, ну огурчики там, помидорчики… прикинь? Официантка ему: у нас вот из крабов салат, из горячего козьего сыра с грушами и беконом, из утиной печенки, карпаччо из теленка и так далее, а из огурчиков нету, сорри, мол. А он настойчивый попался, так иди, говорит, и скажи повару, что не хочу я крабов и печенки, а пускай нарежет огурчиков, да со сметанкой. Приперло ему огурчиков, мам! И бах, официантку по жопе хлоп, чтобы поторапливалась! Закончилось вызовом менеджера, скандал был, нефтяник зубы стиснул, но за шлепок таки извинился, даже официантке пытался сто евро сунуть, да та не взяла. Саския теперь этот ресторан по другой стороне улицы обходит и вообще ушла у

меня в рекламный отдел, чтобы живых клиентов не касаться. Но к Максу все это не относится, – спохватилась я. – Он ведет себя идеально! Манеры – ну просто ни в жизни не скажешь, что русский.

– А русский – это что, плохо? – спросила мама, подняв брови.

Ох, ну что я несу при матери!

– Нет, русский – это нормально. Просто про огурчики слышала? Вот так они себя обычно за границей и ведут. А плохо ли то, что теперь Саския переходит на другую сторону улицы, проходя мимо того ресторана, – сама суди. А дом Макс еще купит. Он влюблен в дочку, и если это для нее, то расшибется, но сделает. Я просто, если честно, ему хороших домов тогда не нашла. И вообще, мам, ну правда, он хороший!

– Пока спит зубами к стенке, – покивала мама. – А где он сейчас? Хороший твой?

Хороший мой Макс, кстати о девочках, мне сегодня так и не перезвонил. Машка считала, что это нормально. Я, с одной стороны, даже была рада – это давало мне повод все отложить на завтра, но, с другой стороны, чувствовала себя обманутой дурой из кино. Я протаскалась весь день – идиотка! – с включенным голландским мобильником по городу, устала, как собака, скорее, даже не от города, а от своих впечатлений, купила себе второй мобильный с русским номером, дважды посидела в кафе, пообедала в каком-то сомни-

тельном пластмассовом заведении, выпила два бокала вина за обедом, что для меня более чем необычно, проверила, что почем в магазинах, чуть не приобрела себе от нечего делать совершенно ненужный мне свитер, но звонка так и не дождалась. В конце концов я купила этот дурацкий и невероятно жирный торт и притащилась обратно домой, и вот теперь мы пили чай, и мама меня не понимала!

– Да ладно тебе париться. Они всегда так делают. Это даже ничего пока не значит. Это нормально, – как смогла утешила меня Машка.

Вообще моя младшая сестра в любовных делах была довольно сведущая, и ее мнению стоило доверять. Машку и ее подружек бросали или динамили столько раз, что выходило, будто надеяться на другой исход в наше время в таком городе, как Москва, – то же самое, что надеяться на чудо.

Что в этом такого «нормального», мне было не понять. Но звонить сама я совершенно не хотела. Мама была на моей стороне, но по совершенно другим соображениям:

– Ну не звонит, и слава богу! Я искренне рада! Нашла себе тоже… В Голландии мало приличных мужиков, что ли? А у нас, наоборот, их нет, особенно среди этих бизнесменов ваших с перебитыми шеями. Маша вот тоже только за миллионера хочет, как с ума все посходили. У нас на работе все молодые дев чонки живут спокойно с приличными мужьями, – мама подчеркнула слово «приличными». – Получают свои… ну кто сколько, скажем… тысячу долларов, а кто даже, мо-

жет, и больше в месяц. Плюс добавки за госслужбу регулярные, тринадцатая зарплата, путевки со скидками в Подмосковье… И живут счастливо. А вам лишь бы миллионера подавай.

Мы с Манькой переглянулись, и я не выдержала:

– Блин, ну мам! О чем ты говоришь? Ты будто не меня все это время слушала! Я не ЗА то, что он миллионер, а как раз ПРОТИВ! Господи, ну не «против», а как тебе объяснить? Сама не понимаешь? Я не рвусь сознательно за нищего, чтобы себе на шею его посадить, но и за деньгами чужими никогда не бегала! У меня и свои есть, и весьма нормальные, кстати. А то, что Макс слишком богат, так это, на мой взгляд, его самый большой недостаток! Я бы как раз предпочла нормальный среднеевропейский доход, а не миллионы эти, от которых не знаешь чего ожидать, особенно в совке!

Машка выпучила глаза от моего предательства и запротестовала:

– Что значит не знаешь, чего ожидать?! Нормального уровня жизни, известно чего.

– Ой, Мань, а ты помолчи вообще. На «нормальный» уровень таких денег не надо. В России представления о нормальном просто свернуты набок, – я начинала раздражаться уже на обеих.

– Да?! – Машка тоже завелась. – А ты тут поживи вот и с бедными пообщайся, а потом поговорим! У них крыша-то тоже поехала давно, да еще хуже, чем у богатых! Они от за-

висти все уже сморщились и ходят желчные! И на бабах все это вымещают!

– Слышала, как у нас Машуля считает? – мама настолько воодушевилась, что аж выключила и без того никому не мешавший в углу телевизор. – И замуж она никогда не выйдет с такими идеями! Никогда! Потому что за миллионерами все бегает! А от них подальше держаться надо!

Ситуация на кухне накалялась.

– Да ты во мне поддержки, мам, тоже зря ищешь! Я ни с Машкой, ни с тобой тут не в одном лагере. И вообще, бросай ты это слово дурацкое «миллионер», слушать противно! Прямо классовой ненавистью от тебя попахивает! Давай пошли их раскулачим, как у нас принято, бабки поделим и пропьем. Так, да?

Господи, ну почему тема денег в России всегда, исторически носила такой больной характер? Зациклено на них было сплошняком все население страны, только половина за ними откровенно и неприкрыто гонялась, а вторая, якобы более интеллигентная, к которой принадлежала и моя мама, их напрочь отрицала. Разницы между этими группами я не видела никакой: обе помешаны на деньгах, но с противоположным знаком, одни с плюсом, другие с минусом, но у обеих групп денежный фактор все равно являлся прямо каким-то определяющим. А дело в общем-то совсем не в этом, вздохнула я, а в любви.

Мне стало откровенно грустно.

На самом деле я прекрасно отдавала себе отчет, почему мне, несмотря на довольно привлекательную внешность и прочие достоинства, так сложно было найти себе в Голландии пару. Дело в том, что я давно перестала быть русской, так и не став при этом голландкой. Я была уже сама по себе, – ни рыба, ни мясо, ни с теми, ни с этими. Я давно уже запуталась, кто я такая, – ошибка переходного периода, помноженного на эмиграцию. В России меня перестройкой по голове шарахнули, между прочим в самые нежные годы! Я школу окончила, и что дальше? Социализма с его равенством больше нет, кругом коммерческие палатки, в них за день можно больше заработать, чем в НИИ за два месяца. Капитализма развитого тоже не было, непонятно даже, на какой факультет поступать. Как раньше: философский или филологический в МГУ, или бежать в институт нефти и газа? А потом и вовсе все запуталось… Да я еще и на две страны разорвалась… Воспитывали на русских идеалах, а там, где мне за квартиру платить и жить, – совсем другие правила игры. И никому там русская журналистка не нужна. На Западе вообще никто никому не нужен. Там всего хватает с избытком. Это в России все недоразвито, а в Европе наоборот – переразвито. И даже неизвестно, по большому счету, что хуже. И я сначала на долгие годы себя потеряла, а когда, наконец, нашла, то оказалось, что я – это уже просто «я», – не русская, не голландская, – человек без национальности, и для меня в одинаковой степени что «русские» чужие, что «голландцы».

Вот и влюбляйся! И в кого, если кругом одни чужаки?

Все встреченные мной раньше русские – это касалось не только несчастных эмигрантов, но и моих богатых нефтяных клиентов из России – были откровенно отсталыми, какой-то пройденный этап. Голландцы тоже мне ничуть не ближе, – очень голландцы, никакой фантазии или полета! У себя на родине они начисто лишены необходимости что-либо сравнивать или переосмысливать, а, учитывая политическую и экономическую стабильность Западной Европы, пути их оказались как бы заранее запрограммированы: кругом полная ясность и безопасность, думай не думай, а все получится приблизительно одинаково. И взаимопонимание у меня с ними выходило какое-то вялое, слишком все на другой энергетической волне у них происходит. К тому же до какой тоскливой степени они предсказуемы! Мне было с ними откровенно скучно. Они казались мне напрочь давно и навеки заснувшими, и моего жизненного опыта, со всеми этими перестройками и переворотами в судьбе, выборами и осмыслениями – никак не понимали, да к тому же, и побаивались. И правильно в общем-то делали, что побаивались.

Я грустно усмехнулась, вспомнив Барта и наш нелепый роман. Барт работал в банке лет двадцать, в должности кого-то там по обслуживанию электронных баз данных, и ассоциировался у меня исключительно с этими базами. Даже думал как база данных: в одной колонке мозгов у него стояли удовольствия, то есть я, в другой – расходы на бензин.

Других связанных со мной расходов у него не было, я патологически везде и всегда за себя платила.

Я пришла к выводу, что чем-то необъяснимым, какой-то своей «мужско-половой» энергетикой меня все-таки привлекали именно русские мужики, причем не из эмигрантских кругов, а те, настоящие, живущие в России, прошедшие там все сумасшедшие перемены, за которыми я наблюдала лишь со стороны. Я подозревала, что годы перестройки просто обязаны были родить в России какой-то новый, не известный мне сорт людей, – почувствовавших неистовство свалившейся прямо на голову свободы, готовых бросить вызов жадной и удушливой власти, людей умных и сильных, и не просто выживших, а ставших кем-то и чего-то достигших. И привлекали меня в них вовсе не их деньги, которые, как я надеялась, даже для них не были конечной целью, а именно те черты характера, благодаря которым они стали теми, кем стали. Но как же я боялась теперь, познакомившись с Максом, что, сидя в своей эмиграции, я все просто излишне романтизировала, напридумывала, и на поверку Макс окажется таким же, как и другие мои клиенты – упертым и самовлюбленным самодуром, помешанным на власти и деньгах до полной потери каких-либо нормальных человеческих ценностей.

Разволновавшись, я уже не могла сидеть и рассекала восьмиметровую кухню по диагонали между холодильником и накрытым к чаю столом: по два шага в каждую сторону. Я прекрасно понимала, что ничего этого не сумею связно объ-

яснить маме, но, остановившись, решилась все-таки сделать последнюю попытку.

– Мам! Во-первых, ты уже замучила этим словом – «миллионер». Просила ведь я относиться к его деньгам спокойнее! А во-вторых, ну как мне тебе доказать, что я не искала специально миллионера-то?! Это случайность, причем скорее неприятная, создающая какое-то неравенство между нами, а я терпеть этого не могу!

– Ну смотри. Тебе жить. Я свое мнение высказала. Связавшись с нашим российским бизнесменом, ты в самую грязь полезла! И помяни мое слово, ты еще не раз об этом пожалеешь! – сказала мама с горечью. – Воры они, и все тут. Вовремя оказались там, где нужно. Ты ничего про них не знаешь, не ведаешь, что тут творилось, пока ты жила вдалеке. Ладно, твой герой там защищал кого-то в школе до сексуального голоса, но нос-то у него перебит все-таки позже, и что ты об этом в конце концов знаешь? И где твой герой сейчас? Ты из-за него приехала, а он тебе даже не звонит!

Мама с привычной материнской жестокостью просто била под дых. Я умоляюще посмотрела на Машку.

– Ну ладно вам! Расскажи лучше, как там твой бизнес поживает, – сказала она.

Бизнес мой чувствовал себя распрекрасно, и это обычно очень радовало маму, но сбить ее сейчас оказалось не так-то просто.

– Да что вы мне про бизнес?! С ним все понятно, хоть

что-то должно у тебя быть путево в жизни! Но вот то, что ты никого никогда в грош не ставила, во всем опиралась только на свое мнение, в жизни еще меня не послушала…

Она не успела закончить, потому что тут, слава богу, наконец, зазвонил мой голландский телефон. От неожиданности я почти вздрогнула и, чуть не опрокинув на себя чашку с горячим чаем, схватилась за трубку. Это было очень вовремя, потому что иначе бы мы с мамой просто поссорились.

Голос у Макса звучал устало и менее деловито, чем утром. Вечерний его голос, подумала я. Выяснилось, что день оказался для него еще хуже, чем он предполагал, и он освободится не раньше, чем к половине одиннадцатого вечера. Мы помогли друг другу прийти к общему мнению, что это, наверное, уже «немного поздновато для встречи», и решили все перенести на завтра.

– Извини меня, солнышко, – сказал он на прощанье. – Я очень хотел тебя увидеть. Просто не вышло сегодня. Завтра – точно! Заметано?

В моей груди немедленно расцвели розы, даже не розы, а неизвестные науке огромные тропические цветы, с большими розовыми покачивающимися лепестками и сладким-сладким запахом.

Я выключила телефон с таким видом, что мама только молча вздохнула. Мне вдруг ужасно захотелось остаться одной, и я вышла покурить на балкон.

Опершись о перила, я слушала, как лягушки старатель-

но провожали день серенадами, и поглядывала на багровое солнце, стоявшее почти у самого горизонта и уже едва заметное из-за шестнадцатиэтажек за оврагом. На улице мигали, пытаясь заступить на вечернюю вахту, оранжевые фонари. Было тихо и спокойно, и в окнах домов уютно горел свет.

Я вспомнила весь свой день, в течение которого меня так пугала перспектива встречи с Максом, и почувствовала себя глупой маленькой девочкой. О чем я вообще сегодня думала? Меня пугало все: и то, что я себе не представляла ресторан, куда он ходит, и в чем я должна туда прийти… (вот так вот начитаешься Оксаны Робски в эмиграции и вообще не знаешь уже, что носить в Москве), надо ли мне за себя заплатить или при нашей разнице в доходах мое предложение будет выглядеть просто нелепо? Но больше всего, как я понимала сейчас, меня волновало, понравлюсь ли я ему, а он мне. Все-таки первая встреча была чересчур короткой и так давно. Считай, ее не существовало вовсе. А потом был только виртуальный роман по телефону, а это, как ни крути, не одно и то же, что свидания. Значит, после такого перерыва я собиралась на первое свидание!

Но сейчас, когда вибрации его голоса еще звучали где-то внутри меня, все мои недавние страхи показались мне полным бредом. Внезапно, впервые за два месяца нашего знакомства, я осознала, что, кажется, безнадежно, по уши влюблена.

День третий

Макс ждал меня в машине у подъезда, – в большой, блестящей, нарядной машине. Да, русские мужики всегда умели извлекать удовольствие из своих денег! Я подумала, что даже несмотря на то, что он, наверное, уже лет десять ездит на машинах такого класса, это до сих пор ему приятно. Ведь окружающим фоном выступает вся остальная страна, в своем подавляющем большинстве еще находящаяся на стадии мечтаний о покупке первого комплекта мебели из «Икеи».

Уже вечерело, но я, секунду поколебавшись – не будет ли это совсем глупо? – все-таки решила нацепить на нос темные очки в стиле Софи Лорен. Они прикрывали не только глаза, но и половину лица, и могли пригодиться, если меня вдруг захлестнут слишком сильные эмоции. Очки я купила специально для Москвы и именно с этой целью – прятать глаза и лишние чувства под огромными круглыми темными стеклами. Я была от природы излишне застенчивой, и, как с этим ни билась годами, до конца искоренить в себе мне это так и не удалось.

Я скользнула на светлое кожаное сиденье и захлопнула дверку. Звук был массивный и глухой, – как на подводной лодке, почему-то подумала я. Хотя там вроде люки завинчиваются? Но это было все равно, я чувствовала себя как под водой. Звуки города тотчас прекратились. Я распрямила

спину, пристроилась поудобнее, пристегнулась, и только после этого решилась посмотреть на Макса. Он все это время молча ждал, пока я закончу свои приготовления, смотрел на меня и улыбался.

– Ну здравствуй, солнышко!

На Максе была черная рубашка, расстегнутая на три верхних пуговицы, и светло-голубые джинсы. Он сидел, откинувшись назад и прислонясь затылком к стеклу, чтобы быть ко мне вполоборота. Не потянулся меня поцеловать, вообще не шевельнулся, просто сидел, рассматривал меня и улыбался.

– Ну привет! – улыбнулась я в ответ.

– Суперзамечательно выглядишь!

– Ты тоже.

– Ты уже голодная? Я забронировал нам столик в очень приятном местечке, надеюсь, тебе понравится.

Макс вел машину медленно и уверенно. Я смотрела на дорогу. Проехав по Мосфильмовской, мы выехали на Ленинские горы. Было около восьми часов вечера, машин на дороге осталось мало, наверное, необычная для начала июня жара разогнала всех по дачам и курортам. Солнце уже вошло в ту предзакатную стадию, когда все цвета становятся слегка золотистыми и более яркими. Дневная жара спала, и воздух был приятный и тоже расслабленный, как Макс. Мне стало уютно и спокойно.

– Ну рассказывай, солнышко, как ты доехала? Как тебе у нас в Москве показалось?

– Да нормально доехала. В «Шереметьево» взяла такси. Только ехали мы почему-то больше двух часов, пробки в Москве, скажу я тебе! И загазованность та еще! Кондиционера в «Волге» нет, окно закроешь – жить неохота от духоты, откроешь – думаешь, что охота, но долго с такими газами просто не выживешь. Надышалась на Ленинградке так, потом весь вечер кашляла, как после поездки в рикше по Бомбею! У вас что, техосмотр не принято делать? Такое ощущение, что половина машин его бы не прошла.

– Техосмотр? – Макс покосился на меня и улыбнулся, как улыбаются детям. – Ксюшенька, зайка, у нас многим машинам дешевле раз в три года заплатить штраф за его отсутствие, чем пойти в салон и его на самом деле пройти! Но сейчас у нас полно и хороших машин, и их становится все больше и больше.

– Это я уже заметила. Вчера гуляла в центре, так мне за один день попалось четыре «мэйбаха»! У нас я ни одного вообще не видела, наверное, за все годы, что там живу. И «хаммеры» у вас популярная машина?

– Да не-е, это лохи напокупали еще несколько лет назад. Модно было. Сейчас уже нет.

Мы замолчали. Я смотрела по сторонам.

– А знаешь, так странно… – сказала я через несколько минут, – я выросла в этом районе, через день гуляла на Ленинских горах, а зимой еще и на лыжах каталась. А теперь здесь все вроде бы такое же, как и было, но смотрится чу-

жим. И университет какой-то красивый стал, вы его покрасили, что ли?

– Помыли. У нас сейчас вообще все высотки отмывают, да и в целом город стал почище.

Мне показалось, что Макс сказал это чуть ли не с гордостью за Москву. Я удивилась. Ему, кажется, тут нравится? Хотя с чего я взяла, что ему должно тут не нравиться? Пристальнее посмотрела по сторонам, пытаясь заметить чистоту. Газоны были довольно ухоженного зеленого цвета, и мусора действительно нигде нет. Интересно, а куда теперь выбрасывают бутылки из-под пива и прочую гадость выпивающие тут вечерами студенты? Или они не пьют тут больше? В мои времена по вечерам все Ленинские горы превращались в тусовку эмгеушников, и все жестяные пивные банки и обертки из-под орешков и чипсов выбрасывались, разумеется, прямо на землю.

Мимо проезжали почти сплошь иномарки, никакой загазованности в воздухе тоже не было. Черт его поймешь, может, надо знать места, где ездить? Ленинградка позавчера мне очень не понравилась, а Ленинские сегодня и правда были просто хороши. Или это потому, что я смотрела на все уже Максовскими глазами?

– Тебе нравится Москва? – спросила я.

– Да. Чистый, красивый, светлый город. А тебе нет?

Я удивилась такой характеристике еще больше, но промолчала. Когда я уезжала четырнадцать лет назад, Москву

чистым светлым городом назвать было определенно невозможно. Я помню, как, приехав в Амстердам, вышла первый раз в город, в центр, и меня до боли в глазах поразила его яркость и чистота. Даже воздух будто другой. Вымытый, прозрачный, и все совершенно как на открытке. А вечером город загорелся всеми возможными огнями и стал еще красивее, прямо каким-то глянцево-журнальным, словно отпечатанным в хорошей типографии на дорогой бумаге, и очень западным. Контраст после Москвы был потрясающим. Москва вечерами стояла освещенная тусклыми фонарями, вывески безвкусные, дурацких цветов, то тут, то там не работали несколько букв из освещенных надписей, и в целом во всем – ощущение грязи, запущенности и смутной опасности. Может быть, все уже изменилось? Вчерашний вечер я провела с мамой на кухне, так что вечерней современной Москвы еще не видела. Хотя погуляв вчера по этой «чистой Москве», обнаружила на джинсах жирное пятно непонятного происхождения, а от замшевых мокасин вообще решила временно отказаться. Было понятно, что если их таскать здесь каждый день, то через две недели, вернувшись домой, я их просто выброшу.

– Мы в центр едем? – спросила я.

– Да. А что?

– Хочу посмотреть Москву вечером.

– А вот мы пока поедим, как раз стемнеет, и я тебя покатаю, если хочешь.

Было что-то ужасно приятное и уютное в этом его «покатаю». Меня сто лет уже никто не катал. Я давно ездила на своей машине, а если и ехала с кем-то как пассажир, то меня везли, а не катали. А в устах Макса это прозвучало как-то очень из детства, когда управление любым транспортным средством, от мотоцикла до машины – было чисто мужским делом, и мальчики, ухаживая, девочек именно катали.

Минут через десять Макс припарковался у ресторана. У входа нас встретил какой-то мужчина вроде лакея в ливрее, только с абсолютно не подходящим костюму, как топором вырубленным лицом. Интересно, сколько этот в ливрее получает и насколько хороши дела у ресторана, если хозяева могут позволить себе специального амбала, открывающего клиентам дверь? – подумала я.

Дела у ресторана шли очень хорошо, я поняла это, едва вошла, моментально оценив царившее вокруг оживление и полностью занятые столики. А позже, испытав шок от цен в меню, поняла, и как можно позволить себе иметь лакея.

Мы прошли через довольно симпатичный зал с мягким желтым освещением в дальний угол, где нас ждал уютный столик в нише с аквариумом. Интересно, Макс специально его забронировал или нам просто повезло? Пока мы шли, на нас почему-то все посмотрели. Макс, казалось, этого вообще не заметил, я же – немного смутилась. В Европе принято не обращать друг на друга внимания, а рассматривать людей в упор – вообще считается недопустимым неприличи-

ем. Да и дело не в приличиях, просто каждый действительно занят собой и своей жизнью и не особо смотрит на других. Здесь же меня довольно откровенно и с интересом оглядели человек пятнадцать, и это за те пару десятков метров, что мы прошли от входа до нашего столика. У меня сразу начались сомнения: может, я как-то не так выгляжу? Смотрели не только мужчины, это бы ладно, допустим, я им понравилась, но смотрели и женщины тоже. Причем каким-то совершенно непонятным взглядом.

Я привыкла к тому, что уж если люди посмотрели на тебя и столкнулись с твоим взглядом, то они должны приветливо улыбнуться и отвести глаза. Здесь же все было наоборот: смотрящие не улыбались, даже не отвечали на мою улыбку, и глаза тоже отводили далеко не сразу. Я была почти уверена, что мне не показался в их взглядах дух какого-то соперничества, будто у нас тут социальное соревнование на тему, кто ты и кто я. Люди, особенно женщины, как бы меня оценивали, пробовали на вкус. Причем, судя по всему, делали это совершенно автоматически, по привычке. А рассмотрев тебя и сделав свою оценку, не улыбались и отворачивались. Сеанс окончен. Атмосфера сразу из-за этого становилась напряженная, хотя, кажется, никого из присутствующих в зале, кроме меня, она не напрягала.

Я продолжала сомневаться: а как я вообще тут выгляжу? Вопрос, как надо сегодня одеться, волновал меня с самого утра. Прежде чем остановиться на дорогущей шелковой ту-

нике с голыми плечами и голубых узких джинсах, я перемерила, пожалуй, полчемодана. Да иди пойми, в чем тут надо идти в ресторан, когда на улицах сплошная безвкусица из молодых девиц, сплошь одетых почти как проститутки? А если полистать русские глянцевые журналы, которые, конечно, мне попадались в Амстердаме, то здесь, наоборот все было круче, чем в Сан-Тропе.

У Макса зазвонил мобильник. Я села за столик, и пока Макс говорил по телефону, закурила и исподтишка изучила одежду других женщин. В джинсах, как выяснилось, кроме меня почти никого не оказалось. Одеты дамы были почти все в платья, что почему-то их старило и делало немного глупыми. Хотя нет, не платья делали их старше, а какое-то чересчур специальное выражение лиц. Полное отсутствие искренности и наивности, какая-то умудренность опытом и прожженность в глазах – именно так сформулировала я себе. Правда, вывод очень поспешный, надо будет потом еще подумать об этом. У меня тоже в чемодане имелось сногсшибательное по нашим меркам шелковое платье, которое я купила за бешеные деньги специально для поездки в Москву, и прежде чем купить, полчаса сомневалась, найду ли я вообще, куда в таком пойти. Но сейчас оно уже не казалось мне таким сногсшибательным, а то, что его есть куда тут надеть – стало совершенно очевидным.

Макс закончил разговор по телефону и посмотрел мне прямо в глаза. Глаза у него были темно-карие, почти черные,

очень большие, и взгляд – как рентгеновский, немигающий и слишком пристальный. И почему-то вдруг очень серьезный. Я сразу съежилась.

– Макс! Не смотри так! Моргай!

– Как так?

– Не знаю, ты как-то так смотришь…

– Как? Как… насквозь?

Насквозь было не то слово, неподходящее, но, не придумав более подходящего, я нехотя согласилась:

– Да… как насквозь.

Он моргнул и отвел глаза. Мне опять захотелось надеть темные очки, которые я сняла при входе в ресторан. Загородиться ими и от странного, пронзительного Максовского взгляда, и от всех этих соревнующихся людей, сидящих в зале. Я не привыкла к такому пристальному вниманию к моей персоне. Все вокруг было слишком личным для ресторана, а с людьми за соседними столиками будто уже начинали складываться какие-то отношения. Некоторые из них еще раз посмотрели на меня, уже после того, как мы сели за наш столик, повторно, а одна противная девица с соседнего столика просто сканировала меня уже минут пять, наверное, все никак не могла определиться, что я за тип такой? Я прикинула, со мной ей действительно было не просто: шмотки у меня дорогие, лицо при этом наивное, московской акульей хватки не видно, но и на приезжую не похожа, сижу с, кажется, по русским меркам, завидным мужиком, но держусь с ним спокой-

но и на равных… Когда мне удалось перехватить ее взгляд, я ей сочувственно улыбнулась. Она не улыбнулась мне в ответ (черт, в России просто кошмарно плохо с улыбками!), но зато хоть отвернулась. Как же здесь все наворочено, господи! Или у меня просто шалят нервы, и мне все мерещится?

За невозможностью надеть темные очки я спряталась в меню. И там меня ждал очередной шок. Боже, мама милая! Что это за цены? Я аж наморщила лоб от такой наглости! Закуски начинались от двадцати-тридцати евро, горячие в среднем шли по пятьдесят-сто двадцать! Я совершенно комфортно себя чувствовала в Амстердаме в любом ресторане и никогда не смотрела на колоночку цен, выбирая, что заказать. Но тут я поймала себя на изучении того, что подешевле. Макс выбрал тем временем какое-то сухое белое вино. Спросил меня, не возражаю ли я. Я не возражала. Мне хотелось одного: чтобы его побыстрее принесли. Я, кажется, все-таки начинала нервничать.

– Я отменил тот грузинский ресторан, который забронировал вчера, – сказал Макс. – Подумал, что для такой жары, как сегодня, лучше подойдет что-нибудь легкое и французское. Ты согласна?

– Да? – я себя чувствовала слегка несфокусированно и рассеянно. – Отлично. Мне в принципе все равно…

– Тебе все равно?

Он опять посмотрел мне в глаза. Господи! Меня, кажется, уже накрыло Россией, и я тоже забываю улыбаться и очень

напряжена. Он примет это за неблагодарность или холодность, а мне вовсе не хотелось его обидеть. Я улыбнулась ему и довольно быстро выбрала салат из руколы и краба, и рыбу на горячее. Они стоили как-то умеренно, на фоне медведей (ничего себе французская кухня!) и прочей экзотики в меню. Я не экономила деньги, я просто в принципе не люблю переплачивать. Мне всегда казалось, что некая умеренность в обращении с деньгами – это признак общей адекватности. Макс тоже выбрал что-то обычное, не экзотическое. Принесли наконец вино.

* * *

Через полчаса мне все-таки удалось расслабиться, и мы болтали и смеялись, как будто знали друг друга сто лет. С Максом было очень легко. Он рассказывал мне снова о своем бизнесе, причем выходило у него все это просто и с юмором, словно это норма жизни – в тридцать пять лет быть владельцем самой крупной в Москве сети аптек, энного числа больниц, раскиданных по всей стране, и даже завод он свой на днях купил, чтобы самому производить лекарства. «Заводишко», как он его называл, находился где-то в Подмосковье, и Макс ржал, что к такому подарку судьбы неплохо бы выдавать бесплатный внедорожник, потому что на его машине туда осенью будет не проехать. Ага, отметила я, чистый красивый Максовский город… Или Подмосковье – это как

другая страна?

Начало наших биографий у нас почти полностью совпадало. Мы получались без малого ровесники, хотя меня не покидало чувство, что он намного меня старше. Оба коренные москвичи, оба выросли в хороших районах и ходили в приличные школы, оба из семей, где кто-то работал «там наверху». Только в моем случае это был дед, который, попав в Москву в военные годы, сумел честно пробить свой путь от летчика-испытателя в замминистра, а у Макса – его отец.

Мы заканчивали последние классы школы как раз под самое начало перестройки, в конце восьмидесятых. Забавно, мы сравнили наши воспоминания о том времени и обрадовались, что оба чувствовали одно и то же. Серая и запыленная страна, раскрашенная блеклыми красителями исключительно советского производства, вдруг загорелась неоновыми вывесками валютных ресторанов и магазинов, к которым подъезжали первые тогда предприимчивые молодые мальчики в голубых, наконец-то «родных» уже, «501 levis» и на своих первых иномарках – сильно подержанных, купленных у щедрых немцев, которым уже было западло ездить на таком старье. Продвинутые старшеклассники начали курить «Rothmans» и «Marlboro», а продвинутые девочки даже изыскивали возможность раздобыть зеленое «Marlboro» с ментолом или завораживающее взгляд своей роскошью разноцветное «Sobranie»! Все еще продавалось на доллары, но они уже не были такими недоступными, как раньше. Изго-

лодавшаяся за семьдесят лет по ярким цветам и фирменным товарам страна жадно поглощала все, что ей могла предоставить перестройка. То тут, то там открывались все новые рестораны и кафе, в страну хлынули иностранные туристы, которые радостно меняли свои фирменные шмотки фарцовщикам на русские часы или матрешки, ввозя в страну долгожданную валюту. Вдруг стало понятно, зачем надо было учить иностранные языки. Немного поздновато, все школьные уроки мы уже к этому времени прогуляли, и пришлось идти на платные курсы!

Вместо уроков заучивались впервые появившиеся тогда новые слова: «каппучино», «пинта Гиннеса», нет-нет, не пол-литра, а именно пинта (нельзя ошибаться!), «антипаста», и не «буфет», а именно «салат-бар», а в сетевые итальянские едальни стояли двухчасовые очереди за чесночными гренками! Вот западный тогда еще менеджмент, наверное, балдел от такой массовой советской потребительской истерии!

Мы сравнивали, как оба научились проходить мимо очереди в первый тогда «Макдоналдс» на Пушкинской площади, где тоже надо было заучивать новые слова и не путать старорежимное «мороженое» со столь возбуждающим юношеское наше воображение «сандеем»! Для этого приходилось разыгрывать спектакль из двух человек, которые, извиняясь и мягко раздвигая огибающую всю площадь полукилометровую очередь, громко обсуждают, показывая пальцем куда-то

вперед: «Да вон он, в зеленой шапке стоит, Вовка наш, вон, не туда смотришь, впереди в очереди… Товарищи, разрешите пройти, отходили позвонить, отстали от друга!» Проблемы обычно уже начинались у стеклянных дверей в рай фастфуда (тогда еще никто и не догадывался, что он смертельно вреден для здоровья), где простоявшая два с половиной часа и уже изрядно озверевшая очередь не хотела никого пропускать, и надо было применять все артистические таланты, убеждая, что «Вовка уже возле кассы стоит, вон он, товарищи, ну вон он, в зеленой шапке, не видите сами, что ли?! Пустите, мужчина! Что вы меня за локоть держите? Я тоже вас не помню!»

Надо ли повторять, что школьные уроки прогуливались нещадно, не уроками даже, а целыми днями! И если умолить школьных учителей поставить тебе тройку, вымыв в конце четверти все парты, – задача еще хоть как-то разрешимая, то вот поступить в приличный институт без репетиторов уже было совершенно невозможно. Все знания по химии и физике напрочь заместились внезапно появившимися и, как тогда казалось, гораздо более важными знаниями о новой жизни. Приличные родители, оказавшиеся морально устойчивее к происходящему в стране и полагавшие, что без высшего образования все равно не обойтись, давали нам денег на репетиторов. Но тех мы прогуливали не с меньшим энтузиазмом, покупая на эти деньги фирменные джинсы и импортное пиво, тогда еще только в жестяных банках. А мальчики

еще должны были и одаривать девочек, для чего пытались уже в старших классах как-то зарабатывать. Макс, с детства ловкий и предприимчивый, пел и играл на гитаре на Арбате и подфарцовывал чем попало.

Понятно, что после школы мы оба с треском провалили вступительные экзамены в институт. Но почему-то совершенно не расстроились. В институт пошли те наши одноклассники, которые были начисто лишены амбиций и воображения. Нет, ну на самом деле, если задуматься… Своих мозгов в таком нежном возрасте ни у кого еще и быть не могло, и не отвлекались на эту разноцветную, блестящую всеми огнями новой жизни и новых возможностей перестройку только те, кто просто прозаически не сумел этого сделать. Лучше всех поступали в институты некрасивые девочки – они не то что не хотели попасть в ресторан, а просто их никто туда не приглашал, и они ходили к репетиторам, поскольку не знали, что еще делать после школы – и неловкие, угловатые мальчики, мечтающие раздобыть где-то долларов и пригласить куда-нибудь красивых девочек, но, к сожалению, не одаренные для этого ни воображением, ни энергией.

К тому же большая проблема возникла и с выбором – куда теперь поступать? Престижные в совет ские времена гуманитарные психологические, социологические, филологические и исторические факультеты больше не выглядели перспективными. Профессии учителей, врачей, инженеров и экономистов, то есть наших родителей, сидящих на зарпла-

тах, больше не казались нам интересным будущим. Расцветали все виды торговли, кругом появлялись жуткие пластмассовые коммерческие палатки, где за день можно было заработать три родительских зарплаты. А объявления о найме на работу в западные компании в англоязычной «Moscow Times», распространявшейся исключительно по холлам таких заведений, куда без денег и не попадешь, предлагала колоссальную зарплату в долларах исключительно «молодым и предприимчивым, со знанием языка», без упоминания уровня образования вообще.

Не поступив в художественную академию и самозабвенно отпраздновав это, отгуляв сумасшедшее лето 1990 года, я, молниеносно выучившая за одно лето английский язык, нашла, сидя с сильного похмелья в гостинице «Славянская» за чашкой эспрессо (никогда не пытаться произносить эКспрессо, дело не в быстроте приготовления, хотя она тоже поражала, а в методе приготовления под прессом!) все в той же «Moscow Times» объявление и устроилась в «Carrefour» кем-то вроде стендиста на постоянно действующей выставке-продаже товаров народного потребления.

Работа была не пыльная. Едва тогда приватизированные сибирские заводы вдруг получили в свое распоряжение заработанные доллары и совершенно не знали, что с ними делать. Такие делегации, состоявшие обычно из двух испуганных теток и одного мужчины средних лет, выданного им в качестве охраны для столь опасного предприятия, как по-

ездка в Москву, доезжали до нашей выставки-продажи, где в мои обязанности входил выбор всего, что им требовалось. А требовалось им все! У них разбегались глаза при виде импортных косметических средств, кофеварок, двухкамерных холодильников и нервущихся колготок. Я оформляла пару заказов в день и с обеда уже переходила к своим основным обязанностям, а именно – организовать своему отрывающемуся в России на полную катушку западному начальству достойный вечер.

Я быстро разобралась, в каких ресторанах и отелях им было веселее, и вторую половину дня проводила, бронируя театральные билеты и групповые столики во всех видах ресторанов и клубов. Также, с гордостью привлекая к себе взгляды красивых мальчиков, ездила на нашей фирменной глянцево-обложечной новенькой с иголочки «Volvo» с шофером на закупки коробок и упаковок алкоголя и импортных деликатесов в доживающие свои последние дни продуктовые «Березки». Специально нанятая повариха, молодая шустрая девочка с журналистским образованием, накрывала нам из продуктов, привезенных мной и шофером, поздний ланч в офисе, после чего все плавно и ненавязчиво переходило в ранний вечер. Я должна была рассадить всех по такси, проследить, чтобы иностранцы в полном составе доехали до ресторана, побыть там администратором-организатором, рассадить их всех до последнего по такси в три часа ночи и удостовериться, что они без приключений разъехались, на-

конец, по своим отелям.

Учитывая вредность моей работы, а также все пьяные разгулы, свидетелем которых я становилась такими вечерами, начальство относилось ко мне просто отлично. Мне разрешалось начинать рабочий день в полдень, брать любые наши товары со склада в неограниченных количествах, получать у кухарки все продукты и напитки, которые я только могла пожелать, и блоками таскать любые сигареты со склада. Зарплату мне платили в конверте долларами, и когда я туда первый раз заглянула, то там оказалось ровно в пять раз больше, чем зарабатывал тогда мой дедушка-замминистра. К началу 1991 я уже ездила только на такси, одета была по-королев ски, бегло болтала по-английски и курила исключительно «Trussardi» (причем не дай бог не черные «Trussardi», а исключительно белые!). Дела у «Carrefour» шли, видать, настолько хорошо, что на мой день рождения мне выкатили с барского плеча не много, не мало – кожаную сумочку от «Chanel».

Мои родители, мама-экономист и папа-учитель физики, ничего не могли противопоставить этому сумасшедшему празднику, в который превратилась моя жизнь. На поступивших в институт подруг, ездивших туда на троллейбусах и одетых по-прежнему в серые вещи из прошлой жизни, я смотрела, как на неудачниц. Справедливости ради надо сказать, что, как много позже выяснилось на гениальном проекте сайта «одноклассники. ру», почти все они стали хороши-

ми экономистами или другими специалистами и нормально сейчас зарабатывают в крупных фирмах. Но эйфория начала девяностых не давала мне думать о будущем. Да и кто тогда знал вообще, какое нас всех ждет будущее? Я думаю, не то что я, даже правительственные аналитики не могли сделать более-менее реального прогноза, во что все это выльется. Я смертельно хотела жить сейчас, не в будущем, а немедленно, и жить на полную катушку!

Макс, по тем же причинам тоже никуда не поступив после школы, занялся предпринимательством. Он рассказал мне длинную и почти веселую историю, во многом похожую на мою, как от пункта обмена валюты перешел к овощной палатке, потом к сети не овощных палаток, потом открыл один за другим несколько кооперативов и зарегистрировал малое совместное предприятие, а позже – и фирму по недвижимости. Как год провалялся в больницах после очередной «разборки», как бесшабашно бухалось все, что попадалось под руку, какие яркие короткие романы он крутил с красивыми девочками, являясь их начальством, как разочаровался в нем его отец, и как это никого тогда не трогало!

Так прошел не один яркий год. Но потом вдруг неожиданно выяснилось, что мы маленькие. Взрослые дяди из провинции, не так быстро адаптировавшиеся к новой ситуации, как московская молодежь, наприватизировав себе полстраны с ее богатыми природными ресурсами, прибрали все, наконец к своим рукам, поделили власть между собой, и неожиданно

все стало очень жестко. Да и мы изменились. Слегка попривыкнув к первому блеску, мы задумались о том, что делать дальше. Провести всю жизнь, продавая надоевшие мне уже до чертиков товары народного потребления и развозя пьяное начальство по отелям, я не хотела. Макс тоже уперся в определенный потолок в своей коммерческой деятельности.

И тут сказалась, наконец, разница в наших родителях. Мой дед-замминистра, который мог бы помочь раньше, если бы я к нему обратилась, вышел на пенсию. Вернее, это так называлось прилично – пенсия, а на самом деле в новой стране никому не нужны были старые замминистры. А у Макса был не дед, а отец вполне работоспособного возраста, и как выяснилось, тоже по-своему адаптировавшийся к новым обстоятельствам. Короче, устав от внешнего блеска и полной пустоты внутри, я поступила, наконец, на журфак на вечернее отделение, а днем работала в «Останкино». А после, влюбившись в молодого питерского романтика, встреченного мной в одной из турпоездок в Европу, и вовсе уехала к нему в Голландию. Макс же поступил в какой-то экономический институт, пошел к отцу мириться, и на папиных связях начал уже другой, серьезный бизнес, который и вылился со временем в самую крупную аптечную сеть, многочисленные больницы, а теперь еще и заводишко.

* * *

Было уже совсем поздно, наверное, около часа ночи. Макс, как и обещал перед ужином, повез меня кататься по Москве. Я хотела посмотреть подсвеченную гламурными огнями тусовку в центре города, о которой столько читала и слышала от приезжающих из России знакомых, но Макс неожиданно оказался не тусовщик, интересных комментариев подкинуть моему туристическому любопытству не смог и, быстро провезя меня по двум-трем главным улицам, както незаметно и с явным удовольствием свернул на почти неосвещенную набережную Нескучного сада.

Москва летом действительно была хороша. Хотя летом вообще почти все в жизни кажется хорошим, и жить дальше хочется, и все проблемы, убивающие своей бесперспективностью в долгие зимние вечера, летом кажутся надуманными и ничего не значащими.

Было тепло, на набережной никого, огни фонарей романтично поблескивали в спокойной и почти величественной в своей равнинной неподвижности Москве-реке. Мне захотелось пройтись пешком. Мы оставили машину и пошли вдоль реки. Макс, наболтавшись и насмеявшись за ужином, вдруг стал молчалив, а я не знала, как прервать молчание.

После ужина в ресторане у нас произошел небольшой инцидент, по сути ничего важного, но у меня сильно измени-

лось настроение после этого. Когда принесли счет, то я первая, пока Макс отвлекся на очередной телефонный звонок, положила на блюдечко со счетом свою золотую кредитку. Когда Макс закончил разговор, он воззрился на нее таким удивленным взглядом, будто я положила не карточку, а живого ежа, а потом поднял на меня черные немигающие глаза. Что это был за взгляд – я не знала, но я от него вся внутренне съежилась, и мне почему-то стало еще вдобавок ко всему и стыдно. Я попыталась как-то оправдаться:

– Здесь дорого. Могу я заплатить свою половину? Я прилично зарабатываю.

Макс не удостоил меня ответом и продолжал молча внимательно смотреть мне в глаза. Мне ничего не оставалось, как протянуть руку и молча забрать свою кредитку.

– Вот и умница, – резюмировал Макс и положил в блюдечко свою карточку.

Инцидент вроде был исчерпан. Но странно, такая мелкая, казалось бы, и ничего не значащая сценка заставила нас обоих примолкнуть. Не знаю, что думал или чувствовал Макс, а меня мучил стыд. За что? Сложно было определить, но, наверное, точнее всего – за свой страх.

Платя за себя в ресторане, ты как бы подчеркиваешь свою независимость и обеспечиваешь себе алиби: ты тут просто ел, как человек с человеком, с другом или партнером. А во взгляде, который я получила от Макса, сквозил упрек или обида, за то, что я его боюсь, не доверяю ему, защищаюсь от

него, оплачивая счет, пытаюсь превратить наш ужин в ужин просто друзей. Забрав свою карточку, я будто вошла на территорию, где Макс – мужчина, а я – женщина, причем на какой-то дикий азиатский манер, и в этом было что-то очень волнующее и опасное одновременно.

Я вовсе не хочу сказать, что за меня никогда не платили в ресторанах западные мужчины в Амстердаме. Но они никогда не смотрели на меня так, как посмотрел Макс. В Голландии даже оплата ими счета – акт дружеской договоренности, демонстрация равноправия и независимости, и в этом нет ничего сексуального. А здесь, парализованная Максовым взглядом, я поняла, что никакие игры в независимость и западную демократию, а именно полное западное лицемерие в отношениях полов, с которым мы умудряемся там влюбляться и даже жениться, в Москве никому не нужны. Я нравлюсь Максу как женщина, он позвал меня в Москву, пригласил в этот дорогущий ресторан, и моя попытка заплатить – демонстрация недоверия и страха, и я просто его обидела, словно попыталась оттолкнуть, не принять как мужчину…

Возможно, дело было в чем-то другом, и Макс думал об этом как-то иначе, но после этой сценки между нами пролегла невидимая трещина, а близость и родство душ, возникшие за часы ужина, когда мы сравнивали наши послешкольные годы, находили кучу совпадений и много и шумно смеялись, куда-то ушли. И теперь все серьезно.

Мне стало неуютно и одиноко, и смертельно захотелось,

чтобы он меня немедленно обнял. И тотчас пришла мысль: если он меня сегодня позовет к себе, то я не поеду! Я абсолютно не готова начинать роман с русским мужчиной, на его территории и по его правилам. Какое-то чувство внутреннего самосохранения подсказывало мне, что это может быть слишком сильным для меня или даже опасным приключением. И, то ли от всех этих сумбурных мыслей, то ли оттого, что Макс шел очень близко и продолжал молчать, и не обнял меня – меня потянуло к нему еще сильнее. Мне стоило жутких усилий не дотронуться до его руки. Еще романтичность пустой ночной набережной, и эти бликующие в воде огни, и теплый ветер на моих голых плечах…

Через час Макс привез меня к моему дому, проводил до лифта, подождал, пока я в него войду, и ушел. Он не позвал меня к себе и не поцеловал на прощанье. Я чувствовала себя полной идиоткой.

День четвертый

Несмотря на сильную усталость, я всю ночь проворочалась на мамином раскладном диване, выделенном мне в гостиной, так и не заснув толком, от чего наутро у меня была тяжелая голова и синие круги под глазами. Этот диван… Поколения моей бабушки, такой раньше стоял в каждой квартире. Со временем их стали изживать, но вещи порой удивительно устойчивы ко времени. Матрас уже местами свалялся буграми, впивающимися в ребра, и к тому же нещадно скрипел старыми пружинами.

Всю ночь у меня в голове мелькали кусочки вчерашних впечатлений, какие-то лица людей из ресторана, амбал в ливрее, московские улицы, и, конечно же, немигающие глаза Макса. Причем картинки прокручивались по замкнутому кругу и обязательно заканчивались тем, что Макс или обнимал меня на набережной, или заходил со мной в лифт и целовал меня, прижав спиной к стене, от чего нажимались кнопки, и лифт начинал подниматься, или опять целовал меня, но уже в его машине, и я все время, как заклинание, повторяла его имя: М-А-К-С. Имя его мне нравилось просто до мурашек. В нем были и звонкая такая и одновременно твердая и упрямая «М», и открытая, честная и приятная «А», а «К» и «С» я воспринимала на английский манер одной буквой «КС» («Х»), и от нее отдавало чем-то очень сексуальным,

как звук «кссс», которым мы приманиваем кошек, а также там слышалось английское kiss.

Проснувшись окончательно, я понуро побрела на кухню, полностью убедившись, что все-таки заболела любовной горячкой. То ли от бессонной ночи, то ли потому, что вчера на нервах я все-таки выпила больше своей нормы, но видок у меня оказался неважнецкий, и в виске что-то колотилось.

Мама с Машкой уже ушли работать, и я осталась в квартире одна. День опять обещал быть очень солнечным. Несмотря на полдесятого утра, воздух, попадая на кухню через распахнутую балконную дверь, уже был жарким.

Я сварила себе кофе в турке (отличная манера варить его в турке, а то все кофеварок понакупали в вечной погоне за экономией пяти минут. Надо мне купить себе в Голландию такую же) и села за кухонный стол, не зная, чем бы заняться.

Макс вчера сказал, что освободится сегодня опять не раньше семи вечера, так что мне предстояло придумать себе программу почти на весь день.

Бесцельно таскаться по раскаленному центру душного летнего города третий день подряд мне совершенно не хотелось. Я вспомнила, что Москва – город абсолютно не туристический ни своими непешеходными размерами, ни своей нецентрализованностью. Все здесь находится разбросанными пятнами, и передвигаться от одного пятна к другому без своей машины крайне неудобно. Моим излюбленным европейским способом передвижения, а именно – пешком, в

Москве никуда не дойти, слишком огромная. Лезть в общественный транспорт не хотелось, там, кажется, теперь сконцентрировалась никем больше не разбавленная самая озлобленная часть населения, причем озлобленная в том числе именно тем, что жизнь вынуждает ездить на общественном транспорте. С машинами частников у меня вообще не складывалось. Во-первых, все они в основном были приезжие, причем часто – нелюбимые мной с давних пор хачики, с которыми я себя чувствовала небезопасно. Во-вторых, машины у них были такие, что уже в первый же день я сломала себе два ногтя, пытаясь открыть заклинившую заднюю дверку, и посадила мазутное неотмывающееся пятно на джинсы. Третья причина – сочетание отсутствия кондиционера и невозможности открыть окна и дышать жарким и напрочь загазованным воздухом раскаленной летней столицы. К тому же выяснилось, что ни они, ни я, не знаем, как куда проехать: я забыла Москву даже больше, чем предполагала, а они – никогда ее и не знали. И последнее препятствие, если не считать невероятнейших пробок на дорогах, – мы совершенно друг друга не понимали: они помнили только новые названия улиц, а я – только старые. Так что, отказавшись от прогулочной поездки в центр города, я решила поехать, наконец, к папе. Хоть отношения у нас были после развода родителей более чем прохладные, но не нанести ему визита, раз уж приехала, я не могла.

Папа у меня был консерватором и, полностью проигнори-

ровав российский капитализм, продолжал, даже с какой-то внутренней гордостью, работать школьным учителем («Кто-то ведь должен, несмотря на мизерную зарплату, и в постперестроечные времена нести детям доброе, светлое, вечное?» – вопрошал он с улыбкой, подкручивая усы на манер д'Артаньяна). Выиграв какой-то крупный соросовский конкурс и получив вдобавок к довольно приличной сумме денег звание «Лучший учитель года» и предложение поехать преподавать в Америку, – от работы отказался, а деньги отдал школе, на закупку новейшего компьютерного зала, себе же попросив всего лишь новый кабинет, из тех, к которым прилагаются такие маленькие задние комнатки.

Папина комнатка оказалась вовсе не маленькой. Немного фантазии, и из нее получился настоящий кабинет с большим письменным столом, компьютером, полным набором оргтехники, маленькой кухонькой, где имелось все самое необходимое для легкого обеда или дружеского чаепития, а главное – (и надо думать, тут не обошлось без помощи любивших его старшеклассников) он умудрился втащить туда диван, мягкие кресла и даже постелить на полу ковер, так что лучшего места для встречи не придумать.

Папа для меня последние годы был темой очень сложной.

Двадцатидвухлетний студент, он чуть не сошел с ума от радости, когда я родилась. Он стал одним из тех отцов, которые точно знают в миллилитрах, сколько ребенок съел молочной смеси и не запаздывают ли с прибавкой положенные

граммы. Щекоча меня усами и постоянно шутя, он окутал меня, как одеялом, сказочным миром, пропитанным его заботой и любовью. В том мире висящая над моей кроватью плюшевая утка с пришитым карманом ежевечерне приносила мне маленькую шоколадку, и всегда, годами, папа придумывал мне новую историю о том, где сегодня утке удалось ее найти и с какими приключения пришлось столкнуться. Он приносил мне в кровать стакан молока из холодильника, мы ели шоколадку и смотрели диафильмы. Я помню, как сидела в темноте на кровати, а он крутил ручку проектора, и на белой крашеной двери моей спальни мелькали цветные картинки, и папа на разные голоса читал мне титры, прибавляя всегда что-то от себя. Он проводил все свое время со мной в зоопарках и детских театрах, читал мне миллионы книг и учил меня рисовать. А летом на даче играл с соседом в шахматы, а я пока длилась игра, иногда по два долгих часа, сидела у него на коленях и желала ему выиграть. Все мое детство у нас с папой была невероятно сильная связь, я его просто боготворила, и их с мамой развод стал для меня шоком.

Но не развод осложнил наши отношения. Развод сам по себе ни на чем не сказался. Уехав жить в другую квартиру, папа поменял работу поближе к нам, и мы продолжали видеться каждый день. Если бы не его героические вставания в пять утра, чтобы доехать до нашего с мамой дома, отвезти меня в школу на метро, а самому успеть потом на службу, не учиться бы мне в одной из самых лучших школ Москвы. Но

и этого ему показалось мало. После уроков он возил меня на все виды кружков и курсов, выходные проводил со мной на выставках и в музеях и по праву считал, что вложил в меня все, что мог.

До какого-то момента я полностью оправдывала его ожидания, везде успевала, учителя были счастливы, обсуждали мои таланты и то, как быстро из меня сложилась «личность». Но после моего непоступления в институт возникла первая трещина. Папа не одобрял моей работы на «Carrefour», его совсем не впечатляла моя непомерно огромная зарплата, и мы стали часто ссориться. Он считал, что я должна вернуться в лоно интеллектуального труда, а от всей этой коммерции «несет грязью».

Наши отношения немного выровнялись, когда я, пропустив после школы два года, все-таки пошла на журфак и устроилась корреспондентом в программу «Время». Когда мое лицо, хоть и всего на пару секунд в день, но все-таки замелькало в вечерних новостях, папа накопил денег на видеомагнитофон и записывал все мои репортажи и интервью на кассету. Но, не проработав в «Останкино» и трех лет, я внезапно и без каких бы то ни было предпосылок уехала жить в Голландию. Прощай родной язык, а, следовательно, и журналистика.

Мой новый, голландский образ жизни не радовал отца совершенно. Прибившись поначалу к университету, я ненадолго увлеклась учебой, но как-то непоследовательно, переходя

с языкового факультета на искусствоведческий, пока и вовсе не забросила занятия. А позже, поработав официанткой в каждом втором кафе города (потому что меня ото всюду выгоняли через три дня), я и вовсе ушла в коммерцию, и открыла сначала одну фирму, потом вторую, пока не остановилась наконец на агентстве по недвижимости. Все это папа называл одним словом: торговля, письма его с каждым годом становились все грустнее и грустнее, а надежд вернуть меня в лоно интеллектуальных профессий – все меньше и меньше.

Очень к нему привязанная и, честно говоря, привыкшая к его постоянным похвалам, я сильно переживала, что нам не удалось прийти к взаимопониманию, и он во мне разочарован. Наша переписка становилась все менее регулярной, а темы – все поверхностнее.

Вздохнув и ткнув окурком в пепельницу, я пошла одеваться. Собираясь выйти из дома, я решила, наконец, проявить осмотрительность и воспользоваться нажитым за три дня опытом, и выбрала все самое немаркое: темно-синие джинсы, синюю же маечку (жара стояла невероятная) и белые кеды. На белых кедах я решила поставить крест и выкинуть их после поездки, поэтому носила их теперь спокойно, и что забавно: как по закону подлости с ними ничего не происходило, ни одного пятна, ну никто пока даже не наступил на ногу. Волосы я смотала в лохматый пучок с торчащими прядями, из чувства противоречия ухоженным и уложенным прическам москвичек, а краситься по поводу жары не стала вовсе.

Завершали мой вид те самые пресловутые огромные солнцезащитные очки в стиле Софи Лорен. Оглядевшись в зеркале и придя к выводу, что выгляжу как турист в странах третьего мира, я удовлетворилась сборами и отправилась искать счастья с хачиками (на общественный транспорт я так и не решилась). Улицу, на которой находилась папина школа, конечно же, переименовали, и на какую – я забыла у него спросить, но вечным и нерушимым ориентиром служил магазин ЦУМ, располагавшийся почти в соседнем доме, так что на этот раз я была уверена, что смогу объясниться в машине.

* * *

Зрительная память – моя отличительная черта, меня не подвела, и нашлась я довольно быстро. Войдя на школьный двор, осмотрелась. Кругом сновали школьники, но как они были не похожи на нас в их возрасте! Набившую нам оскомину ужасную синюю форму, по всей видимости, уже отменили. Все дети – в одежде ярких цветов, у каждого – предмет зависти моего детства – импортный рюкзак, под мышкой – красивая папка, и вообще выглядело все очень по-западному. Наверное, уроки в младших классах уже закончились, на улице стояли машины встречающих родителей, детей разбирали и увозили домой. Тоже непривычно, нас забирали бабушки и вели за руку к метро. Старшеклассники же вообще поразили мое воображение, я с трудом могла отличить

молодых учительниц от учениц, и уж точно большинство из них выглядело явно старше меня. Девицы были все огромного роста, грудастые, фигуристые, многие довольно сильно накрашены, одеты по-взрослому, парочка даже в чем-то вроде деловых костюмов, у многих на плечах лаптопы. В холле школы дежурил охранник в форме и стоял компьютер с камерами. Боже, это чтобы детей не украли? Неужели их тут крадут?!

Пройдя мимо охранника, я отметила, что он даже не оглянулся в мою сторону, я, по всей видимости, в его глазах полностью сливалась с массой старшеклассниц. Это было и приятно, и неприятно одновременно. Приятно, что, несмотря на то, что я ровно вдвое их старше, выгляжу их ровесницей. Чем неприятно – непонятно, наверное, мне в глубине души все-таки не нравилось до такой степени быть похожей на простую московскую школьницу.

Посмотревшись в зеркало (да нет, я вроде очень прилично выгляжу, а мент, наверное, просто ленивый балбес), я поднялась на четвертый этаж по широкой гранитной лестнице с затертыми скругленными ступенями и заглянула в папин кабинет. Урок был в полном разгаре. Размахивая руками, папа убеждал школьников в каких-то законах физики, школьники же – откровенно скучали, в тихой тоске глазея в открытые окна, из которых текла необычная жара, и ждали звонка. Я вспомнила, как себя чувствуешь в последнюю учебную неделю перед летними каникулами, и очень им посочувствовала.

Заглянув в приоткрытую мной дверь чуть поглубже, я тихонько постучалась. Папа повернулся на стук, увидел меня и расцвел в улыбке. Школьники тоже уставились на меня, без особого интереса, но, кажется, с надеждой, что мое появление внесет некоторое разнообразие в унылость происходящего, а может, если очень повезет, их даже отпустят.

Надежды их оправдались полностью. Папа с шутливой безнадежностью махнул детям рукой, как будто говоря: «Бог с вами, олухи», и всех отпустил, а меня подтолкнул за локоть к заветной задней комнатке.

– Устраивайся поудобнее, сейчас я всех вытолкаю, закрою дверь и приду, – бросил он на ходу.

Войдя, я огляделась, выбрала себе диван, скинула кеды, устроилась с ногами по-турецки и закурила.

Через полминуты появился папа, с всклокоченными, как обычно, на манер Эйнштейна черными с проседью жесткими волосами, торчащими рыжеватыми усами и в смешных круглых очках. Очки были новые, с тонкой золотой оправой, я таких не помнила, но по форме они в точности напоминали его старые очки, которые он не снимал все мое детство, а я любила сидеть у него коленях и разматывать маленькими пальцами прозрачный скотч, державший давно сломавшуюся дужку.

Сварив нам по чашечке турецкого кофе на имевшейся здесь же электроплитке, папа сел в кресло напротив меня, и я отметила, что, как и раньше, брючины серого в полоску

костюма ему коротковаты.

– Ксюшка, ты даже не представляешь, как я рад тебя видеть, – улыбнулся он еще раз, затягиваясь трубкой.

Папа откинулся в своем, хоть и линялом, но удобном гобеленовом кресле, и, заложив ногу на ногу, приготовился к долгому и приятному разговору. Я подсчитала, что мы не виделись уже года два, с момента его последнего ко мне визита. «Что я там у вас не видел?» – отмахивался обычно он, когда я спрашивала его о следующем приезде.

– Я тоже очень рада тебя видеть, – искренне сказала я.

– Какими такими судьбами тебя занесло, наконец, в наши края? Хорошо, ты хоть летом приехала, а то в другие времена года у нас здесь такая, знаешь, мерзость. А сейчас, – он махнул рукой в сторону окна, – просто рай!

– Ну надо ж было когда-то мне уже и приехать! Не видела давно Москвы, ну и стало интересно, как тут все теперь выглядит.

– Просто наконец «стало интересно»? Ты ничего не темнишь? – прищурился папа с шутливым подозрением.

Папа знал меня как облупленную, и даже то, что мы давно жили в разных странах, не мешало ему читать меня словно открытую книгу. Я решила, что ни к чему от него скрывать…

– Ну, есть вообще-то одно маленькое дельце, по которому я приехала, – призналась я.

– Ага, я так и думал! Рассказывай, если не секрет.

– Ну, дельце это – даже и не дельце, а так… Короче, я слу-

чайно познакомилась в Амстере с… мужчиной, моим клиентом, он живет в Москве, ну и, в общем… я к нему приехала… м-м-м… поближе познакомиться…

Папа моментально помрачнел. Отвел глаза, пытаясь скрыть пробежавшую по его лицу тень, начал слишком старательно вытряхивать трубку.

– Я еще ничего не знаю, мы виделись вчера первый раз. Может, ничего еще и не выйдет. Что ты так распереживался? – попыталась я как-то смягчить эффект сказанного.

Папа медленно выбил трубку, набил ее заново и поднял на меня серьезные глаза:

– Послушай меня, Ксения! Ты помнишь, что я тебе сказал, когда ты написала о своем решении остаться жить в Голландии?

– Помню.

– Ксения, дорогая… Ты знаешь, как я тебя люблю! Как я по тебе скучаю… Но жить в этой стране стало невозможно! И я был очень-очень рад, что хоть у тебя жизнь пройдет в нормальной обстановке! Ты помнишь, что как бы трудно тебе там поначалу ни приходилось, я всегда тебе говорил одно и то же: забудь дорогу обратно! Живи там и радуйся, что дешево отделалась! А теперь что ты удумала? Какой такой «мужчина»? У тебя, насколько мне помнится, в клиентах ходят одни эти «состоятельные господа», тьфу, гадость какая, которые от дури и свалившихся на них денег не знают уже, что бы им еще купить в Европе! И тебе из этих понравился

мужчина? И как ты себе это представляешь, если, по твоему определению, у вас «что-то выйдет»? Он к тебе туда жить поедет? Или ты ПРИЕДЕШЬ ЖИТЬ СЮДА ОБРАТНО?!

– Па, ну мы пока ничего не загадывали. Да что ты, ради бога, так вообще разнервничался? Еще может ничего у нас и не будет! Хотя мне, если честно, хочется, чтобы было, потому что он мне реально нравится! И не за деньги его, а просто нравится, понимаешь? И вообще, ты хочешь, чтобы я одна всю жизнь прожила? Как ты? Как мама?

– А в Голландии тебе никто не понравился? Во Франции? В Америке, черт ее раздери? Только вот наш этот русский тебе один понравился, который к тому же живет в Москве?!

– Па, сердцу не прикажешь. Я не выбирала его как русского, я тоже, между прочим, не в восторге от того, что он живет в Москве. Это создаст проблемы, если мы решим вместе жить. Ты считаешь, я об этом не думала?

– Интересно знать, что ты придумала?

– Да ничего я не придумала. Буду решать проблемы по мере их поступления.

– Тогда жди их, обязательно получишь, сама напрашиваешься! Не живется тебе спокойно! И будешь решать их «по мере поступления», которое не за горами. Помяни мое слово!

Папа выглядел совсем расстроенным. Я пожалела, что меня так повело на откровенность, не могла будто прикинуться просто западным любопытным туристом!

– Мы вроде пришли с тобой к полному взаимопониманию насчет России? – потерянно спросил он.

На улице тем временем собралась духотища, солнце затянуло тяжелыми серо-желтыми тучами, поднялся неожиданный ветер, и, вероятно, собиралась гроза. Открытую нараспашку створку окна кинуло об стену так, что стекло чуть не разбилось. Папа встал, закрыл окно и принялся молча варить вторую турку кофе.

Да, мы действительно давно пришли с ним к полному взаимопониманию по поводу России. Папа считал и приложил все усилия к тому, чтобы я считала так же, что Россия – несчастная страна, где никогда ничего нормально не было, и, по всей видимости, уже и не будет. Народ русский исторически был жлобоват, труслив и одновременно наивен. Его всегда легко обмануть или запугать. Папа с прискорбием считал, что революция недаром случилась именно у нас, другие страны в нее поиграли-поиграли да и бросили, и только наши дуралеи довели дело до конца. А годы сразу после революции, а весь этот вопиющий в своей беспрецедентной жестокости сталинизм? Что же это за народ, позволивший такому случиться, к тому же не просто случиться, а просуществовать так долго?

Жлобство, по папиному мнению, проявляло себя в России буквально во всем. Да взять хотя бы пьянство. Всегда, исторически, русские пили много больше других, и ладно бы, становились от выпитого добрее, песни бы пели… Ан

нет, одурев, они подсаживались, как на наркотик, на вторую свою отличительную черту – удивительную, редкую агрессию и озлобленность. А что еще может развиться в подавленном народе, прошедшем через все ужасы хотя бы одного отдельно взятого XX века? Преступления, до сих пор совершающиеся россиянами, просто леденили душу своей бессмысленной жестокостью. Даже не надо изучать историю, достаточно просто почитать заголовки газетных новостей («Муж убил жену диваном!», «Сосед расчленил соседа на тридцать частей за то, что тот затопил его квартиру!», «Ребенка задушили занавеской собственные родители!», «Рядовой убил семь человек и застрелился сам!»…)

А пресловутое русское воровство? Вся страна разворована начисто, каждый прет на своем уровне, что может, кто – нефть, кто – канцелярские скрепки из родного НИИ. В конце концов, как это несовременно, не в духе того, чем занимается последние десятилетия весь цивилизованный мир. Весь мир, например, сажает леса. И только русские их вырубают, причем каждый норовит украсть из заповедника себе на забор, и тем более противно, что забор все равно выходит уродливый – вкуса не хватило. Тут кроме денег надо еще иметь и вкус! А он – фрукт элитный, произрастает исключительно на почве спокойной и расслабленной жизни.

А коррупция и взяточничество? Для них, и папа нисколько не сомневался, что не по глупости, а специально, были созданы в стране все условия, потому что «рыба гниет с го-

ловы». Ни один же сантехник без взятки не поставит новой прокладки в кран! А потом эта русская совесть заедает поедом, и идут опять бухать, чтобы забыться, и снова по кругу: напились, пошли воровать.

Также одной из редких черт, на папин взгляд, было врожденное холопство. Перед вышестоящими русский человек готов унижаться и выслуживаться бесконечно, без намека на гордость и собственное достоинство, зато уж если попадается кто пониже…

И такое отсутствие индивидуализма, как в России, редко где встретишь. Отсюда и постоянные оглядки на соседа, и наш коммунальный образ жизни, вечное сравнивание себя и других, зависть, желание пустить пыль в глаза, выставить напоказ все самое лучшее. Исключительно на этой почве так хорошо прижилось в России идиотское понятие гламура, скопированное изначально вроде бы с запада, но только в России достигнувшего столь потрясающего размаха!

Все это к тому же щедро сдобрено соусом, замешанным на шовинизме, – прекрасная база для жлобоватой и озлобленной толпы. Бей немцев, бей французов, бей жидов!.. Да какая разница, кого бить, лишь бы выпустить пар и набить морду, в конце концов! Русские почему-то всегда свято и абсолютно безосновательно были уверены в своей исключительности, превосходстве своей нации над другими. Даже в последние годы все эти ново-русские миллионеры, выезжая на запад, вовсе не старались копировать европейскую культу-

ру поведения, манеры и общественные установки. Нет, они будто специально работали над своим и без того исторически испорченным имиджем, противопоставляя себя западу, даже чуть ли не с гордостью, во всем своем бескультурье, и, в конце концов, просто бесстыдстве! Ну кто им, скажите на милость, сказал, что просто на основании того, что они наворовали денег (а никто на западе не сомневается в происхождении этих миллионов, там же не дураки живут, что бы русские о них ни думали), у них есть право так по-хамски себя вести за границей?

Недавно я столкнулась в Голландии еще и с таким определением, как «Russian-free hotel». Оказывается, настрадавшиеся от русского поведения на международных курортах западники стали массово требовать у турфирм отелей гарантий, что там не будет русских туристов! Не японцев, которые так ни на кого не похожи в поведении, не китайцев, даже не негров, в конце концов, а именно русских! Голландские туристические рекламные проспекты запестрели объявлениями: «Tailand without Russians!», «Russians-free Egypt!» Как же надо задолбать в конце концов голландцев, чтобы они, будучи довольно прижимистым народом, согласились даже переплачивать, лишь бы отдыхать «Russians-free!»

Как-то я стала свидетелем такой сцены: в маленький и тихий отельчик на одном из таиландских островов, где я жила до этого почти месяц, почти как «у бабушки на даче» (до того там было все тихо и по-домашнему) вдруг приехала ком-

пания российских туристов. На этом спокойствию пришел конец, в чем, переглянувшись с пониманием, сошлись во мнениях все отдыхающие. Первым же утром, выйдя на пляж, мы обнаружили там следующую картину: все лежаки были сдвинуты в кучу и заняты разбросанными вещами, прямо на пляж вынесены почти все столики из нашего небольшого отельного ресторанчика, на них был накрыт «завтрак» из лобстеров и прочих морепродуктов, стояло с дюжину бутылок шампанского, и что хуже всего – орала музыка из принесенного русскими туристами магнитофона, причем музыка убийственная, что-то из современной российской эстрады. Во круг всего этого с томным видом возлежала прибывшая вчера на арендованной яхте компания, состоявшая из непомерно толстых, хоть и молодых мужиков довольно неинтеллигентного вида, и их девиц в переливающихся какими-то блестками купальниках, принимающих на редкость открыточные позы. Как там развивались события дальше, я не знаю, так как на третий день, устав от российской попсы, переехала на соседний остров.

По работе имея дело исключительно с русскими «состоятельными господами», я научилась игнорировать подобное поведение, хотя сказать, что у меня росла гордость за то, что я русская, было нельзя.

Даже если я и забывала, откуда родом, то всегда находились желающие мне об этом напомнить. Жить на западе русской становилось все труднее. То тут, то там я постоянно

сталкивалась с унизительными вопросами и нетактичными взглядами со стороны аборигенов и просто уже устала оправдываться. В итоге я гениально придумала себе защитную реакцию и теперь всегда на вопрос: «Are you Russian?» отвечала сразу с долей агрессии: «Yes. So what?» Вопросы после этого обычно заканчивались, но симпатии и сближению наций такое мое вынужденное поведение не способствовало. По степенно я начала скрывать, что я русская.

– Ты же была со всем этим согласна? – вернулся к разговору папа.

– Была… Но Макс не такой. И потом, возможно, он переедет жить ко мне. В смысле, я пока не знаю, чем это закончится. Может, вообще ничем. У нас пока ничего и не начиналось.

– Ну, раз ты приехала, то значит, что-то у вас, скорее всего, начнется. Так бы просто, если бы не сильно влюбилась, ты бы не приехала. Я прав?

Я только вздохнула.

– Пап, мне уже пора. Я позвоню еще, я тут две недели буду.

– Ты-то будешь. А вот я уеду послезавтра, – папа посмотрел на меня с сожалением. – В поход, на Алтай, на месяц. Ты ведь никого не предупреждаешь о своих планах, чтобы люди могли спланировать время, поездки, наконец! Свалилась, как снег на голову, без предупреждения. А теперь что я должен, по-твоему? У меня школьники. Группа. Я им с зимы

поход обещал. Вечно ты так! И очень жаль, что не смогли поговорить о чем-нибудь более приятном, чем этот твой «не такой»… Как его зовут, говоришь?

– Максим.

– Значит, Максим… Ладно. Напиши мне, пожалуйста, подробное письмо, как вернешься домой. Обещаешь?

– Угу.

Мне внезапно захотелось побыстрее уйти. Я тоже не была удовлетворена тем, как прошел наш разговор. Чмокнув папу в щеку, вышла в коридор. Оглянулась. Папа стоял у двери и провожал меня умными, всепонимающими и от этого еще более грустными глазами.

На душе стало тяжело, но я отвлекла себя мыслями, что скоро опять увижу Макса, и пошла ловить хачиков, чтобы успеть домой к семи. На улице уже громыхал гром, резкие порывы ветра швыряли в глаза пыль с мостовых и гоняли по школьному двору оброненную кем-то газету, и, глянув на затянутое низкими грозовыми тучами небо, я поняла, что до ожидавшего Москву жуткого ливня остались считанные минуты. Успею поймать машину? На лицо мне упали первые крупные капли. Нет, пожалуй, уже не успею. Бай-бай все-таки, мои белые кеды…

* * *

Макс опять заехал за мной домой. Это было немного

странно и непривычно: зачем делать такие петли по городу, если можно назначить встречу сразу в ресторане? Но было в этом и что-то приятное, он, кажется, за мной ухаживал. Или в Москве просто так принято? Я не знала, как и что сейчас делается в Москве на тему ухаживаний и свиданий, а поэтому не могла быть уверена в своей трактовке Максовского поведения и чувствовала себя очень неопытной, как в семнадцать лет. По голландским правилам, если тебя забирают на машине из дома, то нравишься ты, видать, уже очень. Нравиться ему мне очень хотелось.

Я провела непростые полчаса над своим чемоданом, выбирая, что бы сегодня надеть. Первый наш поход в ресторан оставил у меня впечатление, что одеться слишком нарядно в Москве невозможно. В Голландии все было наоборот, всегда была опасность оказаться overdressed. Я немножко поразмышляла, должна ли я на российской территории вести себя по местным правилам или считаться с ними мне вовсе необязательно. Но, вспомнив неприятный осадок, возникший у меня утром, когда я поняла, что школьный охранник искренне принимает меня за старшеклассницу, решила все-таки не рисковать и соблюсти московские условности, а именно – одеться подороже и поприличнее.

«Подороже и поприличнее» через полчаса примерок, трех выкуренных сигарет и бокала вина вылилось в шоколадного цвета шелковые турецкие шаровары на завязках и тунику с голыми плечами и спиной. На ногах – (вот черт, наверное,

придется все-таки помучиться) высокие каблуки.

Максу результаты моих невероятных стараний, кажется, понравились, по крайней мере, когда я села в машину, он прицокнул на грузинский лад языком и расплылся в улыбке:

– Вах-вах-вах! Солнышко, ты выглядишь просто потрясающе!

Я присмотрелась к Максу. Похоже, что его вчерашнее молчаливое настроение полностью улетучилось. Черные его глаза блестели, темные волосы чуть растрепаны, выглядел он веселым, и хотя под глазами я разглядела следы усталости, в целом он был ужасно хорош. Никаких цепочек, браслетов, кулонов или перстней – одет изящно и просто, белая льняная рубашка, чуть больше, чем надо, расстегнутая на загорелой груди, и синие джинсы, ничего лишнего.

– А я начинаю в Москве стараться, – улыбнулась я в ответ.

– Я тоже. Вот собрался сегодня заехать за тобой на мотоцикле по приколу, да дождь помешал… – мобильник Макса заиграл мелодией Эннио Морриконе. – Блин, достанут же, погоди минутку, солнышко, – бросил он мне и гаркнул в трубку: – Я! – И потом после паузы, резким, изменившимся голосом: – Этот кегель конкретно мутит! Ты с губером договорился? Вот и ху… – оглянулся на меня и осекся, – делай, короче, че договорились. Ты доки подготовил? Шли и не ссы, – покосился на меня еще раз. – Что значит не наш тендер? А чей? Давай-давай, узнай у Дмитрича и засылай доки. Наш тендер будет, чей же еще? И больничка наша будет

к июлю, я же сказал. Чао.

Повесил трубку и пожаловался:

– Ни черта не могут по-нормальному чтоб сделать! Одни накладки. Так о чем мы тут? Да, на мотике тебя хотел покатать, да дождь не в тему пошел. Голодная?

Я кивнула.

От его резкой телефонной интонации и упоминания слов типа «губер» и «тендер» я почему-то притихла. Машина мягко тронулась, я расположилась удобнее и закурила, порадовавшись про себя, что дождь избавил меня от радости ехать сейчас на «мотике».

Макс вел по-кошачьи, откинувшись далеко назад на спинке сиденья, одной вытянутой рукой слегка придерживал руль, ехал не быстро и плавно, не как хачики, и от него исходили уверенность и благополучие.

Опять заиграла музыка его мобильного.

– Да, – сказал Макс на этот раз совсем другим тоном. – Светлана Васильевна, дорогая, вы мне второй раз уже файлы отправляете, которые у меня на мобильнике не открываются. Пожалуйста, отправьте снова в другом формате. Я все посмотрю и обязательно подпишу завтра. У Саши с утра в офисе получите копии… До свидания… да… и вам… вам также непременно всего хорошего.

Ну воспитанный такой приличный мальчик из хорошей семьи. Да, подумалось, русский бизнес требует от человека умения общаться во всех жанрах.

Макс прервал мои мысли, посчитав, наверное, что должен мне какие-то объяснения:

– Мы тут с Сашей, моим партнером, решили еще пару новых больничек построить. То, что у нас уже есть – это, конечно, замечательно, но новые тоже не помешают, да? – он подмигнул. Настроение у него и правда было сегодня отличное. – Вот к июлю, наверное, начинаем строиться, к сожалению, обе опять не в Москве. Мне в связи с этим приходится много ездить по стране, так что как ты смотришь на то, чтоб я взял тебя с собой? С гостиницей вопрос решим.

Мысли завертелись в моей голове каруселью. Что значит с гостиницей вопрос решим? В смысле, что у меня будет свой номер? Зачем мне с ним ездить? Он что, надолго уезжает? Я чувствовала себя комфортно с Максом только на расстоянии, когда же он оказывался в непосредственной близости, то умудрялся парой фраз, интонацией и своим сумасшедшим пристальным взглядом моментально выбить из меня всю уверенность в себе и запутать все мои мысли и планы.

– У меня вообще-то обратный билет через две недели, – попыталась я внести ясность в мои планы.

Макс даже удивился:

– Ну и что? Какой такой шашлык-машлык? На когда он у тебя?

Я порылась в сумочке и вытащила сложенный вдвое и уже изрядно помявшийся билет.

– Осталось двенадцать дней.

– Можно мне посмотреть?

Не дожидаясь ответа, Макс взял у меня билет и небрежным жестом выкинул его в окошко. Вывернувшись назад, я в полном шоке пронаблюдала, как, покрутившись в воздушном потоке, билет спланировал прямо в лужу, где был тотчас раздавлен проехавшей машиной.

– Ты что сделал?! – выдохнула я в ужасе.

– Ай! Упал, – весело хохотнул Макс. – На когда, значит, ты говоришь, у тебя был билет?

– Впереди двенадцать дней, – сказала я растерянно. – Зачем ты так сделал? Он же денег стоил.

– Чего-чего он стоил? А мои чувства, по-твоему, ничего не стоят? Солнышко, расслабься. Ты остаешься тут, и мы на следующей неделе вылетаем с тобой в Нижний. Паспорт у тебя с собой? Можно мне его тоже посмотреть?

– Нельзя!

Не хватало только, чтобы вслед за билетом на московских мостовых очутился и мой голландский паспорт. Макс прочел мои мысли.

– Да не буду я выкидывать твой паспорт… нажитый непосильным трудом, – заверил меня он. – Хотел просто глянуть, до которого у тебя виза.

Зарывшись с головой в сумочку, я нащупала там паспорт и, на всякий случай все-таки не доставая его, проверила даты визы.

– Виза тоже заканчивается через две недели.

– Ну тогда оставишь паспорт мне. Придется вопрос этот супер сложный решать. Открываешь бардачок, – командовал Макс тоном, не привыкшим к возражениям. – Там желтенький блокнотик видишь? Вырываешь листочек, пишешь на нем свой московский адрес… Что там еще может понадобиться? Я позвоню друзьям в министерство и все узнаю, короче.

Как зомби, плохо соображая, что делаю, я написала мамин адрес на вырванном листочке и вложила в паспорт. Покрутила паспорт в руках и засунула обратно в сумку.

– Макс, ты не понимаешь. У меня там бизнес. Я и так его бросила на девочек… А они даже по-русски не говорят, всех клиентов упустят.

– Бизнес? – протянул Макс и присвистнул. – Это тот, который я уже видел? Девочка моя, ты вообще не создана для бизнеса, я тебе не говорил? Дома твои ни к черту не годятся. Я вообще удивляюсь, как ты там концы с концами сводила раньше. Забудь ты. У нас теперь совершенно другой будет бизнес. Будешь со мной строить больницы. Хочешь? Или ничего делать не будешь вообще. Как тебе нравится.

Я не понимала. Таким своеобразным образом он мне делает предложение остаться с ним в Москве?!

– На следующей неделе вылетаем в Нижний, – как ни в чем не бывало продолжал тем временем развивать свою мысль довольный собой Макс. – Там три дня, потом в Пензу, еще пару дней… Извини, что не Париж, да только что мы с

тобой в Париже не видели? А больницы – это здорово! Ты увидишь. У нас тут, правда, все через одно место пропихивать приходится, но зато когда смотришь, как сотни пациентов, совершенно бесплатно проходят курсы лечения на потрясающем диализном оборудовании… Реально ничего же такого раньше не было. Раньше почечники, например, в очередях по полгода записывались на один имеющийся в области агрегат, или в Москву ездили, кто мог как-то себе это пробить. А теперь все на местах, бесплатно, по страховой карте. Доступно, удобно, красиво, без очередей…

Макс говорил, словно описывал свою мечту. Глаза его блестели, а рука поглаживала полированный деревянный руль.

– А как так, что это выходит людям бесплатно?

– Да так. За деньги предоставить сервис – ума много не надо. А мы делаем так, что из бюджета идет проплата за лечение. И нам хорошо, и людям, наконец, что-то достанется. Я тебе объясню схему, если интересно…

Но объяснить он ничего не успел. Запев мелодией из «Однажды в Америке», у Макса опять оживился телефон. Послушав минуту молча, Макс неожиданно сильно ударил по глянцевой приборной панели ребром ладони, чертыхнулся и остановился на обочине.

– Мне тут надо поговорить с нехорошими людьми на понятном им языке, – обратился он ко мне, зажимая ладонью трубку. – Ты посиди минутку, я выйду из машины, мне перед тобой неудобно ругаться.

И действительно вышел из машины. Дверь за ним закрылась и полностью звукоизолировала меня от внешнего мира. О чем он говорил, было не слышно, но то, что он сильно ругался, было очевидно и по его жестикуляции, и по тому, как нервно он расхаживал туда-сюда вдоль машины, рассекая ладонью воздух.

– Может, ты сегодня занят, и бог с ним, с ужином? – спросила я робко, когда он сел обратно за руль.

– Дарлинг, я всегда буду занят. Что ж мне теперь, отказать себе в удовольствии провести вечер в обществе такой красивой женщины? Поэтому я и говорю, ты полетишь со мной, иначе нам вообще некогда будет общаться. Знаешь, чего мне стоит второй день подряд освобождаться к семи? Долго я так не смогу, а видеть тебя мне очень приятно.

Говоря это, он слегка дотронулся до моего запястья и чуть задержал свою руку. По мне прошла волна мурашек – то ли от его прикосновения, то ли от жесткости и ледяной определенности этого его «всегда буду занят». Что я делаю в его жизни, в Москве? – подумала я, впервые осознав, насколько различны наши миры. Может быть, папа с мамой и правы: я уже настолько принадлежу тихому и размеренному европейскому образу жизни, что зря связалась с русским бизнесменом. Моя закаленная когда-то русская нервная система уже совершенно атрофировалась от расслабленной жизни в городе, где рабочий день заканчивается к пяти, ну максимум шести вечера. И вовсе не потому, что у нас в офисах выру-

бают электричество после шести часов, а просто всей стране мучительно жалко отдавать работе слишком много времени, есть и другие вещи, которыми мы хотим успеть насладиться в этом, лишенном какого бы то ни было другого смысла, кроме получения удовольствия, проекте под названием «Ну вот я и родился. И что мне теперь с этим делать?»

Голландская социальная реклама надрывалась не одно десятилетие, пытаясь бескорыстно втолковать толпе вечные ценности. Я вспомнила, как напротив моего дома несколько месяцев (и причем полностью за счет государства) висел рекламный щит: на фоне яркого неба на качелях нам навстречу летит маленькая девочка, ветер развевает волосы, в глазах солнечные зайчики. Подпись внизу гласила: «There is also a life besides your job!» Или вот телевизионный ролик: мужик в галстуке, в полосатой офисной рубашке с закатанными по локоть рукавами и с шахтерским фонариком на лбу, истекая потом, роет огромной лопатой подземный ход. Через полминуты мы видим конечную цель его трудов: перепачканный с головы до ног, он наконец вылезает из-под земли на зеленой поляне, усыпанной ромашками. Стрекочут кузнечики. На заднем плане за поляной виднеется комплекс небоскребов офисного типа, откуда он, как с каторги, только что сбежал. Мужик оглядывается и, расплываясь в улыбке от счастья, показывает офису выразительно выпрямленный средний палец. Голос за кадром: «There is also a life outside your office!»

Я вообще никак не понимала этих новых русских, так обильно разбавивших последние списки Форбса своими русскими фамилиями. Почему они, например, до сих пор, не останавливаясь, работают, как какие-то кролики «Duracell»? Ведь денег там уже, понятно, хватит на поколений десять вперед. Почему не бросить все это к едрене фене и не пожить все-таки в свое удовольствие? Жизнь, на мой взгляд, состояла только частично, процентов, может быть, на двадцать, из карьерно-финансовой сферы (я называла про себя все эти темы «I can do it» и визуализировала при этом плакат, висящий в туалете моего амстердамского офиса: бодрая американская фабричная деваха из тридцатых годов, в гороховом сарафане и красном платочке на голове, гордо показывала зрителям свой накачанный бицепс). Основная же и наиболее приятная часть жизни складывалась из таких вещей, как свободное время для того, что тебе приятно. Например, любить или путешествовать, танцевать или играть на саксофоне, иметь возможность часто оказываться там, где хочешь, и делать то, что хочешь. Всего этого русские бизнесмены были лишены начисто, и никакие деньги не помогали им получить удовольствие от жизни. Более того, на мой взгляд, они им даже мешали в этом!

Вся жизнь сводилась к работе и мучительному поиску, чем бы заглушить остаточные метания неспокойной русской души, которая, несмотря на все прикладываемые усилия, отказывалась немедленно умирать и при полном отсутствии

фантазии заканчивалась обычно или круглосуточным распиванием «Krystal» где-нибудь в давно уже не модном на западе Куршевеле, или, в лучшем случае, – подмосковным стрелковым клубом, или рыбалкой на Маврикии.

Казалось, что русские миллионеры с особенной тщательностью запрограммированы на мысль, что деньги купят им бессмертие. Будто на крысиных бегах, здоровые, красивые и умные мужики, не жалея себя, неслись к могиле, не успевая на ходу не то, что получать удовольствия, но даже и не замечая ничего вокруг. Вспомнился печальный анекдот: The sad thing about the rat's race: even if you win – you are still a rat!

А потом… Потом мы наблюдаем их катарсирующими скупыми мужскими слезами в каком-нибудь типовом шедевре современного российского кинематографа, где преследуемый за роковую ошибку бизнесмен впервые за последние пятнадцать лет, почти бескорыстно отданных службе неизвестно чему и ради чего, добегает до деревни своей юности и, открыв перекосившиеся ставни отцовской деревенской хаты, вдруг до боли ясно видит перед собой лысую поляну с одинокой коровой, а за ней – неспешно текущую плюгавую речонку. Играет музыка, и текут слезы зрителей: герой духовно переродился, впервые за многие годы разглядев вокруг себя гармонию природы!

Или дело не в деньгах, а в чем-то другом? Максу действительно нравилось, что люди смогут бесплатно получить качественную медицинскую помощь? И все это – благодаря ему?

– А тебе нравится так много работать? Ну, вместо Парижа сидеть в Пензе? – спросила я как можно более нейтральным тоном.

Макс посмотрел на меня удивленно:

– Нравится? Ну у тебя и вопросы! Не знаю, нравится ли мне. Не знаю, Ксюш, не думал. Дел до хрена.

Он, оказывается, не думал об этом! Меня его ответ просто потряс. Ладно бы нравилось – странно, конечно, как такая жизнь может нравиться, но о вкусах не спорят. Или не нравилась бы, но была какая-то жесткая необходимость, например, дома сидели бы умирающие от голода четверо детей или больная мать, нуждающаяся в дорогом заграничном лечении… Но он, как выяснилось, отдавал всю жизнь бизнесу, даже не задумываясь, нравится ли ему это!

Господи, что же за узость мировосприятия надо вообще иметь, чтобы так упорно не замечать вокруг себя обаяния и прелести самой жизни! А про «не знаю, нравится ли», – полнейшее вранье и самообман! И простейший пример, знакомый всем до боли, – это про бабу. Любой мужик безошибочно поймет, что женщина ему нравится. А если не знает, нравится или нет, – то, разумеется, не нравится! Как еще? Когда что-то нравится – то это понятно сходу.

Как мне хотелось научить Макса, пока еще не слишком поздно, остановиться и разглядеть вокруг саму жизнь! Краски закатного неба, солнце, вкус еды, прохладность легкого белого вина на небе или счастье лежать в траве, бессмыслен-

но улыбаясь проплывающим облакам. Счастье сделать глубокий вдох (которое тоже принималось нами за должное, и только астматики знали разницу) и почувствовать вкуснейшую сочность воздуха после летней грозы. И всего-то на это требовалось хоть на минуточку остановиться и сосредоточиться на чувствах, но именно подобного люкса никто почему-то упорно себе не позволял. Позволяли яхты, многомиллионные квартиры, какие-то невероятные машины, но только не счастье просто от того, что живешь и дышишь. Это было слишком просто, и слишком поэтому недоступно. И как это было жаль! Ведь от жизни можно получать столько удовольствия!

– А ты зачем вообще работаешь? Ну, в смысле, с какой целью? Много денег заработать? И сколько тебе надо? – Я понимала, что нарушаю все приличия, задавая такие вопросы, но мне стало крайне интересно, в чем вообще тут можно находить цель и смысл.

Макс, казалось, не считал мои вопросы неприличными, они, скорее всего, для него были просто непривычными.

– Да нет, – попытался он искренне ответить. – Не в деньгах дело. В смысле, я как-то не задумывался, что делаю это, чтоб заработать много денег. Я просто так живу. Кто-то же когда-то должен превратить нашу страну в нормальную? Иначе что, если вот так разъедутся все по Парижам да Амстердамам? Парижанам-то может там и нормально, а наши пускай вообще подыхают? Мне интересно вот так взять и сделать

где-нибудь в Перми нормальную больницу. Понимаешь, не просто бабла срубить, а сделать нормальное дело. Потом, что значит «много денег»?

Он обвел рукой то, что было за окном машины. Мы как раз въезжали на Калининский проспект (сорри, на Новый Арбат, вспомнила я), и за окном переливались вывески казино, кругом прямо на тротуарах были нагло припаркованы сумасшедше дорогие автомобили, тусовались мужчины в костюмах, девушки на каблуках, все сверкало и искрилось, короче, та самая вечерняя Москва, которую я хотела посмотреть давеча.

– Для того чтобы в Москве чувствовать себя комфортно, действительно денег надо много, – продолжал Макс. – Кроме того, у меня есть определенный статус, мне надо его поддерживать. И, в конце концов, все мои деньги вложены в бизнес, и вытащить их быстро невозможно.

С тем, что в Москве надо иметь много денег, я была вообще-то уже согласна. Все цены тут брались будто с потолка, словно никто никогда не бывал за границей и не знал, что нормальный салат в отличном ресторане в одном из лучших городов мира стоит от и до, а не столько, за сколько его продают в московских заведениях. А цены на недвижимость? А качество этой недвижимости? Моя обычная амстердамская квартира в Москве называлась бы ну просто супер «элитное» жилье.

– И потом у меня есть дочь. И мне бы хотелось обеспечить

ей нормальное будущее, – серьезно добавил он после паузы.

Макс уже говорил мне, что очень любит свою дочь. Я никогда не расспрашивала его о ней подробно, частично – потому что не слишком любила детей, а частично – оттого, что это было, наверное, для него чересчур личным, и говорить на такую тему мне почему-то казалось неловко.

– Я тебя с ней обязательно скоро познакомлю, – сказал вдруг Макс. – Классная девчонка получилась.

Я замерла. Его желание нас познакомить было мне, конечно, лестно, но знакомиться большого желания у меня не возникало – я никогда не знала, как себя вести с детьми. Даже в самые первые и тяжелые годы моей эмиграции, когда я уже рассталась с тем парнем, ради которого меня унесло в европейские степи, и обнаружила, что нахожусь на грани полнейшей нищеты, я всегда старательно избегала работать бебиситтером, предпочитая детям общение со взрослыми и пополняя свой послужной список подработками во всевозможных ресторанах и кафе. Из-за моего неумения носить по три тарелки в каждой руке меня обычно ставили помощником повара, – работа не сказать, чтобы очень приятная, например, резать лук по тридцать луковиц подряд, но зато избавляющая от необходимости искусственно улыбаться и тянуть с сияющим лицом: «Ой, какая у вас милая крошка!» Были у такой работы и другие плюсы, в частности, сейчас я могла похвастаться тем, что готовлю не хуже любого профессионала. А в жизни все надо уметь, считала я, и умение

готовить вкусные ужины никому еще не помешало.

– Она живет с мамой? – попыталась я отвлечь разговор от знакомства с милой крошкой.

– Да. В нашем бывшем доме. Это недалеко от Москвы. Там хоть как-то можно еще дышать.

– А ты где живешь? Ты оставил им дом после развода?

– И купил себе другой, недалеко от них, тоже по Новорижскому, а московской квартирой уже почти не пользуюсь, так только, если лень ехать. Сначала мы переехали загород из-за дочки, сразу как она родилась, а потом и самим понравилось. А сейчас я привык уже. Знаешь, так классно хоть вечером оказаться на чистом воздухе… И Дашку, дочку, забираю иногда к себе… – он покосился на меня, проверяя, интересно ли мне все это. – У нее и спальня есть в моем доме своя, и игрушки. Она всегда спит с одним и тем же зайцем, огромным, плюшевым таким, он уже весь старый и облезлый, из ушей вата лезет, аж зашивали… Васей его зовут, зайца, – хохотнул Макс, продолжая тему. – Пробовал заменить его медведем, купил нового, классного мишку – ни в какую! Слезы! Только зайца своего хочет и все, обнимает его ночью мертвой хваткой. Сильная растет девчонка!

Да, подумала я, если у нас с ним что-то получится в будущем, то познакомиться с Дашей мне придется непременно, и хорошо бы я ей понравилась.

– А сколько ей лет? – спросила я, обреченно прикидывая в уме, можно ли найти с Дашей общий язык или придется

сюсюкать.

– Пять исполнилось, но она девица взрослая не по годам. Тебе понравится, – заверил меня счастливый отец.

Мне ужасно хотелось спросить о причине развода, но я постеснялась. Захочет – расскажет как-нибудь сам. К тому же в машине опять заиграла мелодия его мобильника.

* * *

За ужином все прошло на этот раз очень мило.

– Я правильно понял, у какого окна вы заказывали столик? – спросил пожилой метрдотель в синей форме и фуражке с блестящими пуговицами, чуточку слишком услужливо провожая нас к нашему месту.

Я поняла, что Макс не просто потрудился выбрать хороший ресторан на вечер, но даже заранее оговорил, где хочет сидеть. Наш столик у самого окна позволял любоваться изящно обрамленным чугунными решетками бульваром за стеклом, и действительно оказался, на мой взгляд, лучшим в зале. В антикварном серебряном подсвечнике уже горела белая свеча – просто и со вкусом создавая романтичную атмосферу, стол был накрыт белой льняной скатертью, приборы и хрустальные бокалы красиво поблескивали. Я посмотрела на Макса с одобрением, и (или мне только показалось?) в его глазах мелькнула радость похвале.

Нам пришлось опять пройти, как сквозь строй, под взгля-

дами посетителей ресторана, но сегодня меня это уже не взволновало, – ко всему можно привыкнуть, в конце концов. Ну и подумаешь… Я тоже походя испепелила взглядом парочку столиков, и один из них мне даже удалось смутить – там быстро отвернулись. С волками жить… – улыбнулась я сама себе.

Я уже стала осваиваться с московскими ценами и, не подавившись, пила вино по сто шестьдесят евро бутылка. Интересно, Макс всегда так шикует, или все-таки это специально ради меня? К вину я выбрала довольно хорошо получившийся у повара салат с белыми грибами и запеченную осетрину на горячее (немного пресно, но соус с анчоусами придал рыбе остроты). У Макса оказался отличный вкус на рестораны, и сегодняшнее заведение понравилось мне не меньше вчерашнего. Слава богу, он не страдал российской манией японской кухни, а то даже после нескольких дней, проведенных мной в Москве, у меня сложилось впечатление, что столичные жители просто помешались на всех этих сашими и роллах. В каждом, даже не японском заведении, был японский раздел в меню.

– Солнышко! Давай выпьем за тебя, – поднял бокал Макс.

– Спасибо, дарлинг! Хотя такое вино я бы выпила даже за коммунистическую партию!

Макс пропустил шутку мимо ушей.

– Нравится вино? – спросил он.

– Макс, мне все нравится! И ресторан замечательный. И

ты тоже, – добавила я чуть тише.

Макс опять поднял на меня свои немигающие глаза, и на этот раз мне удалось выдержать его взгляд.

Когда принесли счет, попыток платить за себя я больше делать не стала. Оказалось, что это довольно легко. Я курила и, откинувшись на спинку стула, молча наблюдала, как ему дали счет, он достал бумажник, вынул оттуда кредитку и положил в папочку, которую тотчас забрал официант. Ни он, ни официант не ожидали от меня никакого участия в происходящем, и оказалось, что я могла просто не делать ничего. Сидеть и смотреть. И почему-то это было даже приятно.

Выйдя из ресторана, мы повернули на бульвар. Наша машина осталась припаркованной чуть выше по улице.

– Пройдемся? – спросил Макс. – Мне надо подождать одного человека, моего партнера. Он весь вечер готовил кое-какие бумаги, и я должен их сегодня еще подписать. Ты же никуда не спешишь?

– Да нет, куда мне спешить? Дома меня достает разговорами мама. Не пробовал пожить сейчас с мамой в одной квартире?

Макс коротко хохотнул и, неожиданно оказавшись на газоне, прыгнул на бордюр, отделявший бульвар от проезжей части.

– Смотри, Ксюха, как я оказывается еще могу! Сто лет не пробовал.

Он балансировал руками и медленными шагами продви-

гался по парапету. В глазах его заиграли совершенно мальчишечьи чертики.

И этот парень, работая по четырнадцать часов в сутки, пробивает в Кремле какие-то схемы, по которым отчаявшиеся почечники получат бесплатное лечение в построенных им больницах?!

Наконец Макс легко спрыгнул обратно на землю, и мы пошли по бульвару. Минут через пять, когда мы проходили мимо какого-то памятника (я, разумеется, уже не помнила кому, хотя раньше знала бульвары как свои пять пальцев), его рука легла на мое плечо. А еще через пару минут он остановился и повернулся ко мне. Мне казалось, что еще чуть-чуть, – и он меня поцелует. Я замерла и, кажется, перестала дышать, но – и это было в лучших традициях русского жанра – у него мгновенно зазвонил телефон.

– Вот дьявол! – выругался Макс, убирая руку, чтобы вытащить мобильный из кармана. – Да, Сань! Ну тут я, тут! Где ж мне еще быть? Ты в машине? У ресторана? Иду, ща… Сиди жди.

– Он уже приехал? – спросила я, просто чтобы как-то разрядить ситуацию.

– Приехал, – пробурчал Макс недовольно. – Давай подойдем к его машине. Я быстро подпишу и опять полностью в твоем распоряжении.

Пройдя по бульвару обратно, мы опять оказались у ярко освещенного входа в ресторан. Прямо на тротуаре нас ждала

черная «Ауди». Когда мы приблизились к машине, тонированное окно тихо прожужжало вниз, и на меня с интересом уставились два голубых глаза.

– Ага! Так вот значит, с кем пропадает наш дорогой директор последние дни! Та самая интуристка! Из братской Голландщины! Обожаю пить за здоровье гостей столицы! – произнес обладатель голубых глаз довольно пьяным голосом, и прежде, чем я успела что-то ответить, окно поползло вверх, а дверка с водительской стороны открылась, и перед нами вырос высоченный худой парень, на вид лет около сорока. Одет он был в добротный серебристый костюм в тонкую полоску и белую рубашку, а его блондинистые волосы были тщательно зализаны назад и уложены, видимо, гелем, совсем на бандитский манер начала девяностых. Я отметила про себя, что он неплохо осведомлен: даже знает, что я из Голландии. Наверное, Макс в офисе про меня говорил, иначе откуда? У меня на лбу ж не написано, откуда я приехала.

– Значит, пока я там в офисе, можно сказать, надрываю последнее здоровье, у вас тут международные отношения укрепляются? Похвально! Молодцы!

Я окончательно перестала сомневаться, что этот тип уже сегодня немало выпил, чтобы скрасить себе вечер, проведенный с бумагами. Макс же не вмешивался в происходящее и молча смотрел, как Саша огибает машину и подходит к нам. Прижимая к себе локтем черную кожаную папку с документами, он одновременно делал попытки прикурить.

– Друзья, вы ведь не откажете ветерану экономического труда в одном коктейле? – выдохнул он, затянувшись, наконец, сигаретой. – Здесь буквально за углом есть потрясающе гостеприимное заведение, где одиноким путникам в ночи наливают отличный «Мохито». А?

Макс устало посмотрел на меня и развел руками, как бы говоря, что ничего не может сделать, вот такой у него партнер.

– Ну пошли, Мохито, – согласился Макс без особого энтузиазма. – Только по-быстрому. Нам и без тебя было неплохо. Да? – Макс внимательно посмотрел на меня, и его рука опять оказалась на моем голом плече. – Ты не замерзла, солнышко мое? Ты в мурашках.

Мы отправились к какому-то заведению, похожему на смесь бара и ночного клуба, который действительно оказался прямо за углом. Пройдя мимо внушительного секьюрити, состоявшего из двух здоровенных угрюмых мужиков, мы попали в шумный, битком забитый маленький зал, где табачный дым висел сплошной завесой, так, что я с трудом видела происходящее.

Саша с видом завсегдатая провел нас сквозь толпу к барной стойке.

– Заенька, – обратился он к молодой девице в черном кожаном лифчике вместе одежды. – Сделай нам три «Мохито», а лучше сразу валяй четыре. Я пью по два зараз! Возможно, мне просто есть, чего сегодня отпраздновать?!

Макс посмотрел на меня и закатил глаза, извиняясь за товарища. Я дотронулась до его руки, покачала головой, – все в порядке, не волнуйся, не такой уж я и интурист, чтобы приходить в шок от вида пьяного мужика. Мало я их видела, что ли?

Саша тем временем сел на высокий барный табурет рядом со мной и довольно откровенно стал меня рассматривать.

– Ну и как вы там, бедные, прозябаете на чужбине? Мучаетесь, поди? Загниваете? – обратился он ко мне, пытаясь чокнуться своим «Мохито».

– Да ничего так прозябаем. Не жалуемся, загниваем молча, – ответила я уклончиво.

Меня ужасно раздражали такие вопросы – как мы там, а вы тут. Я была уверена, что люди, которые в XXI веке все еще мыслят категориями стран, – страшно ограниченные и закомплексованные типы. Какие на фиг страны и границы в наше космополитичное время? У всех нормальных людей уже есть приличные паспорта, самолеты соединяют любые точки мира, билеты по нашим временам стоят вполне умеренно, и мыслить в терминах «вы там» – просто какая-то культурная отсталость. Макс вот, например, молодец, ни разу не задал мне этого идиотского вопроса: как вы там?

– А вы здесь как? – спросила я в ответ у Саши.

– О-о-о! А мы здесь просто супер! Местами. Теми, что не в говне, – заржал в ответ голубоглазый блондин. – Хотя вот Максим Сергеич у нас всегда в порядке – спасибо зарядке,

он не рассказывал? – И, не дожидаясь моего ответа, продолжил: – Максим Сергеич у нас ваще молодец! И всегда молодцом был, еще с Плешки, где моя счастливая звезда соизволила поместить нас в одну группу. Он ни хера, пардон, там не учился, пробухал все, что нашел, и с товарищами делился щедро, ну не всем, конечно, самых раскрасавиц никому не давал, берег для себя, но вот с алкашкой и баблом не жадничал. И угадай, кто после этого из института вылетел? Думаешь Максим Сергеич да-ра-гой? Не-а. Упс… – уронил пепел на брючину и сдул его прямо на меня. – Ваш скромный покорный слуга! Выперли меня, радость наша заморская, и не вздрогнули. И если б не Максим наш дорогой Сергеич, сидел бы я ща на… хер знает, короче, где сидел бы, – закончил он свою речь и погладил проходившую мимо незнакомую девицу прямо по заднице. Та проплыла дальше, даже не оглянувшись.

Все это начинало меня доставать. Вспышки чужой зависти, неудовлетворенность жизнью, да еще и в алкогольном варианте в каком-то противном клубе, – и это сразу после романтического ужина при свечах и почти уже было случившегося поцелуя на бульваре.

Я посмотрела на Макса, он кивнул и, довольно резко перебив друга, взял папку, чиркнул, не глядя, роспись в нескольких местах, обнял меня за плечи и вывел на улицу.

– Ну и валяйте! – услышали мы за спиной обиженный голос Саши. – Тоже мне, иностранка чертова нашлась, мать

твою, нос воротит!

Романтическое настроение после пьяной мизансцены в клубе куда-то испарилось. Макс не делал больше попыток меня поцеловать, отвез домой и, как вчера, проводив до лифта, ушел. Я была сегодня этим довольна, мне хотелось побыть одной и разобраться в своих чувствах.

* * *

Кто я вообще такая? – думала я, глядя в черноту, заполнившую ночной овраг у дома, и затягиваясь уже третьей сигаретой на мамином балконе.

Россия производила на меня мрачное и гнетущее впечатление. И не только полусломанные машины хачиков, загазованность воздуха или появление новых пятен неизвестного происхождения на одежде вызывали это неприятное чувство. Даже богатые рестораны, куда водил меня Макс, его дорогущая машина, амбалы, стоявшие в дверях модных клубов, и во всех прочих якобы приличных и хороших своих проявлениях – во всем Москва наводила на меня тоску, оставляла какую-то тяжесть в груди. Я была здесь совершенно чужая. Будто принадлежность каждой стране программирует тебе мозги на определенный лад, и ты, являясь частью национальной матрицы, смотришь на страну вокруг тебя как сквозь специальные, декодирующие действительность розовые очки. У меня, судя по всему, таких очков на Москву

больше не было, и даже мои непрозрачные «софи-лореновские» стекла могли всего-навсего слегка загородить от чужих глаз, но совершенно не меняли картины, только наоборот, делали все еще более темным. Я чувствовала себя абсолютно другой и очень чужой, прав был пьяный Саша, когда крикнул мне «иностранка чертова». Точней было не сказать, не иностранка, а именно чертова иностранка, так я себя и ощущала. В смысле, в принципе быть иностранцем довольно ничего, если ты не на родине своей себя так чувствуешь. Но в городе, где ты родилась, выросла, влюблялась, страдала, смеялась и дружила, чувство это было неуместно и вызывало эмоциональный дискомфорт.

Я могла бы все это понять, если бы прижилась в Голландии настолько, чтобы воспринимать ее как родину. Я видела: такое часто происходит, в частности, у эмигрантов, привезенных за границу в детстве. У них не остается никаких толком воспоминаний о прошлом, и они со школьных лет впитывают новую страну как родину. Я же попала за границу слишком поздно для такого эффекта. И пусть с годами полностью наладила быт и бизнес, завела друзей и прижилась во всех смыслах, чувства, что я там дома, у меня не возникало. Более того, ощущала себя я там русской. А, приехав в Россию, вроде бы как на родину, я впервые почувствовала себя голландкой. Выходила полная путаница: в какой бы из этих двух стран я не находилась, на родине или в Голландии, так гостеприимно меня приютившей, где был последние

четырнадцать лет мой дом, – чувствовала я себя одинаково не дома. Ну, может, не одинаково, в Амстердаме мне было комфортнее, я отлично знала город, в отличие от Москвы, где переименовано все настолько массово, будто таким, как я, эмигрантам как бы давали понять, что им здесь больше делать нечего. Даже улицы, на которой стояла моя школа, больше нет. В Голландии был мой дом, там же и мои друзья. В Москве же (и недаром я боялась сюда так долго приезжать, чувствовала, наверное, насколько это будет эмоционально нелегко) у меня возникло ощущение полного отторжения. Я не узнавала ничего, даже не понимала больше, кто есть кто, не могла делить людей по типам и, даже, несмотря на всю свою осторожность, без конца попадала впросак со своими реакциями и трактовками происходящего.

Я всегда гордилась, что потеряла национальность, – ведь вместе с ней пропадают и ограничения, навязанные этой национальной матрицей. Мне казалось, заодно у тебя прочищаются мозги, и ты можешь смотреть на вещи непредвзято и без условностей, приобретая некую свободу мышления и восприятия. Но цена за такую свободу, как выяснялось много позже, была не малой: теряя принадлежность к той или иной стране с ее особенностями и ограничениями менталитета, ты в том числе теряешь и что-то под названием Родина, в смысле, как у Шевчука: «а она нам нравится, хоть и не красавица».

Впервые я остро осознала это несколько лет назад. Мы с

мамой и Машкой, по уже установившейся у нас традиции, в очередной раз устраивали встречу на нейтральной территории, и выбор пал на Турцию – дешево, всем близко, не нужна виза, и все-таки море и тепло. Машка купила нам путевки, а я прилетела туда из Голландии. Проведя неделю в довольно скучном all inclusive отеле, состоявшем наполовину из русских туристов и наполовину – из сборной солянки из разных западных стран, мы разлетались так же, как и приехали – по своим странам.

Самолеты наши улетали почти в одно время, и даже стойки на регистрацию пассажиров в маленьком аэропорту Мармариса оказались у нас соседними. И так мы и стояли, медленно двигаясь по направлению к стойкам, настроение у всех было грустное, и я смотрела на маму, на Машку, и не понимала, почему, если вот они – моя семья, такие родные для меня люди, я лечу не с ними, а (по ошибке, может?) стою в другой очереди? Но приглядевшись повнимательнее к окружавшим их людям, я поняла, что не чувствую ничего общего с этими быдловатыми на вид и уже успевшими, чисто по-русски, с утра нализаться товарищами, одетыми в излишне крикливую и дорогую одежду. И главное – у них у всех были совершенно другие глаза!

Вздохнув, я осознала, что не ошиблась, и перевела взгляд на впереди стоящих голландцев. Но и тут меня ждал неприятный сюрприз: в моей очереди, регистрировавшейся на амстердамский рейс, тоже стояли совершенно чужие мне люди.

Ни в их языке, ни в глазах я не прочла подтверждения, что не ошиблась в направлении. Я потопталась на месте, пытаясь понять, где мне комфортнее, и оказалась в пустом проходе ровно посередине между очередями.

Зарегистрировавшись на рейс, мы на короткое время слились одним коридором, ведущим в душный предбанник вылета, и только там, под жужжащие вентиляторы и вечное нытье детей, последний раз разделились на две группы: одна шла коридором налево в самолет на Москву, вторая – направо в Амстердам. Как раз на распутье стояла группа слепленных боками серых пластиковых стульев и напольная пепельница, и предлагалось последний раз перед полетом покурить. Я кивнула Машке и остановилась. Мне казалось, что моя душа сейчас разорвется на части, я должна была решить, в какой самолет свернуть, налево с мамой, Машкой и полупьяными мужиками и вульгарными тетками – в Москву, или направо, с хехекающими на своем гхе-хе голландском языке блондинами, с которыми у меня не больше общего, чем с людьми, удалявшимися налево. Я с ужасом осознала, что моей очереди тут не было вообще, – были две, и обе чужие! Я закурила и у меня полились тихие слезы. Больше всего на свете мне захотелось остаться в Турции, лишь бы не делать этого выбора.

Сейчас же, в полтретьего ночи, допивая бутылку вина на балконе квартиры, где я выросла, я чувствовала нечто похожее. Нет тут моей очереди. Есть лишь я и бутылка вина. И,

может, этого вполне достаточно? И почему мне кажется, что я должна обязательно все досконально понимать в окружающем?

Макс для меня – странный, незнакомый тип, появившийся в стране уже после моего отъезда, мы с ним из разных стран, но какая разница? Кто сказал, что мы не можем быть счастливы? Я была почти уверена, что очень ему нравлюсь. В конце концов, он даже выбросил мой билет (сумасшедшая выходка, которая обойдется мне теперь в лишние пятьсот евро за новый билет, но, черт возьми, как это было приятно!) А родина? Что вообще она такое? Кусок земли, который тебя питает силой? Как на фронте, русские солдаты носили землю в платочке, – развернут, посмотрят, засмолят цигарку… и опять можно под пулеметы, поскольку понятно, за что и почему умираешь.

Путаные мысли бороздили мою пьяную голову. У меня не было такой земли, которую можно положить в платочек, но у меня нет и платочка. Зато есть бутылка вина, и родители, и Макс, который так мне нравился, и какая разница, где моя родина? И должна ли она быть вообще у человека? И стоит ли платить такую дорогую цену, как безусловное принятие национального менталитета со всеми его дурацкими ограничениями и полным отсутствием выбора, за это чувство – подержать горстку высохших песчинок в платке? И это мрачное удовлетворение, получаемое русскими при попытках вот так, ночью, после бутылки вина, покопаться в собственной

душе – не осталось ли это во мне в нагрузку от родины? А тот факт, что мне ужасно нравится Макс, а я пытаюсь платить за себя в ресторане и боюсь разрешить себе влюбиться по-настоящему – это у меня уже от моих фламандских соотечественников? Думала, что освободилась от всей национальной гадости, а сама, возможно, наоборот, насобирала недостатки обеих стран?

Неожиданно для себя я решила, что с завтрашнего дня заживу простой, самой обычной жизнью – не буду изводить и без того слишком склонную к рефлексии нервную систему идиотским самокопанием, а поцелую Макса, и пускай случится все, как оно должно случиться. Я выцедила из бутылки последние капли уже теплой и гадкой жидкости, которую тут продают, выдавая за «Шабли» (Девятьсот восемьдесят рублей за бутылку! Возмутительно! В Голландии можно купить совершенно нормальное вино в пять раз дешевле!) и отправила Максу очень не голландскую по духу эсэмеэску: «priglashau tebya zavtra na ujin, kotoryi ya gotovlu u tebya doma v 7 vechera».

Через пару минут пришел ответ: «Как скажешь, солнышко».

Время было уже около трех ночи. Боже! Я его разбудила или он тоже не спал?

День пятый

Следующим утром ничего не предвещало драматических событий, которым уготовано было изменить мою жизнь и до начала которых оставались считанные счастливые часы. Моя новая (как решено вчера: простая и самая обычная) жизнь началась с обычной чашки кофе на мегапростой маминой кухне. Светило яркое летнее солнце, пахло нагретой травой из оврага, от кого-то из соседей доносились обрывки Земфиры:

> …Этот город заполнен деньгами и проститутками,
> Я не против ни тех, ни других, но только не сутками!
> Я готова забыть и начать, разумеется, заново…
> Приготовьте, согласно условиям, синего самого…

Настроение было отличное, и, сделав себе сэндвич с помидором и моцареллой, я решила отправиться на закупки продуктов, необходимых для ужина у Макса на даче. Памятуя о моем шоке от магазина «Перекресток», где мало-мальски импортный продукт стоил в три раза дороже, чем в Голландии, а качества при этом был просто ужасающего, я позвонила Машке узнать адрес приличного магазина.

– Только не подумай, что там будет дешевле «Перекрестка», – язвительно предупредила меня сестра, давая адрес

ближайшей «Азбуки вкуса».

– Ладно пугать! Расплачусь, было бы за что! – ответила я весело, зная наперед, что какие бы сюрпризы мне не готовил сегодняшний московский день, испортить мне настроение так просто никому не удастся.

Цены в магазине меня все равно немного потрясли. Это в России такие таксы на импорт или просто не принято делать бизнес, накручивая меньше трехсот процентов прибыли? Еще одно неприятное открытие: несмотря на то, что выглядело все не в пример лучше, чем в «Перекрестке», на вкус продукты все равно были не такие. Французские сыры, пересекая российскую границу, как будто теряли цвет, авокадо – способность к дозреванию, пармская ветчина высыхала, пармезан – наоборот, размякал, а оливки приобретали прогорклый и кислый вкус.

Но главное – сколько же на такое простое дело, как покупка одной сумки продуктов, в Москве уходило времени! Вернувшись домой, я обнаружила, что Макс заедет уже через три часа, а у меня еще конь в сборах не валялся! Ежедневная йога и пробежка в соседнем сквере еще не сделаны, волосы смотаны в хвост, маникюр надо делать заново, на носу красуется неизвестно откуда взявшийся мини-прыщик, с которым еще предстоит побороться в ванной, а мучительные полчаса у чемодана вообще уже начинали меня доставать. Та-ак! Быстро! Без нервов! Пара-тройка асан, круг по скверу и начинаем собираться!

Минут через пятнадцать я остановилась на платье из линяло-лилового шелка, чуть выше колена, довольно открытый вырез которого кокетливо украшен выпуклыми цветками типа ромашек. Платье было специально куплено мной для Москвы и стоило почти треть моих месячных заработков. К нему – распущенные волосы, умеренные каблуки, французский маникюр и немного духов «Alien».

* * *

Час спустя наша машина мягко въехала в автоматические ворота сногсшибательной подмосковной виллы. Назвать эту постройку «дачей» не поворачивался язык. Огромный участок, на вид – около сорока соток, солидный каменный дом, окруженный кустами сирени и жасмина, ухоженные газоны с красивой садовой подсветкой, а перед самым входом – невероятная статуя, изображавшая что-то из греческой мифологии. Первое впечатление – растерянность и удивление выбору такой скульптуры.

– Вот мы и дома, – подмигнул Макс, который всю дорогу был очень общителен, пожалуй, даже слишком, без конца рассказывал анекдоты и забавные случаи из жизни, и, казалось, старательно избегал пауз, пытаясь скрыть волнение. Очевидно, моя выходка с ночной эсэмэской была, пожалуй, немного слишком преждевременной, откровенной? Не могу сказать, что я совсем в ней не засомневалась, протрезвев по-

утру и вспомнив о вчерашнем приступе пьяной решительности.

Мы поднялись на массивное, увитое чем-то вроде плюща крыльцо и вошли в дом, дверь которого почему-то оказалась незаперта. Ладно, в Голландии, пожилые люди часто не закрывают двери, по старой привычке, оставшейся от прежних лет, когда страна еще не была перенаселена неблагополучными ино странцами, но в Подмосковье мне показалось это более чем неосмотрительным.

– В доме есть охрана? – спросила я.

– Охрана? Нет. Есть кнопка сигнализации в моем кабинете на втором этаже. А что?

Решив, что хозяину виднее, я промолчала. Мы прошли через просторный холл с какими-то гравюрами на стенах и опять с маленькой псевдоантичной статуэткой на пьедестале (бьюсь об заклад, над домом поработал неталантливый дизайнер из серии: деньги есть – ума не надо), и Макс распахнул передо мной двери гостиной. Первое, что бросилось мне в глаза, – почему-то работающий телевизор. Когда же глаза чуть привыкли к полумраку, я разглядела сидящую на диване пожилую женщину. Я замерла и вытаращилась сначала на нее, потом на хозяина дома.

– Вечер добрый! Все у нас в порядке? Дашка заснула? – кинул Макс на ходу, шурша купленными мной пакетами с едой и направляясь с ними на кухню.

Женщина, судя по всему оказавшаяся в одном лице и дом-

работницей, и Дашиной няней, поспешила за хозяином дома, давая объяснения о приготовленном ею ужине, прошедшем дне с ребенком и прочих хозяйственных делах.

Пройдя за ними, я остановилась в дверях.

– Это что у нас? Индюшка? – басил Макс, заглядывая в духовку. – Может, заберете ее внукам? У нас сегодня все равно свой ужин намечается. А вы идите домой. Больше сегодня ничего не надо.

– Да? – обрадовалась женщина. – Но вы же просили меня сегодня на ночь остаться…

Макс тем временем уже хлопал дверкой холодильника, рассовывая продукты по полкам.

– Нет, нет… Идите. У нас тут кое-какие изменения в планах. Мы сами справимся. – Макс подмигнул мне. – А завтра приходите в… – он опять посмотрел на меня. – Ты во сколько встанешь? Я уеду рано, а за тобой попозже пришлю машину отвезти тебя в Москву. Хотя… Зачем тебе в Москву? Ты можешь оставаться тут… Комфортнее, чем у мамы ведь?

Я в шоке молчала. Он предлагает мне У НЕГО ОСТАТЬСЯ ПОЖИТЬ?!

Не дождавшись моего ответа, Макс махнул рукой и решил все за меня.

– Короче, Ксюшка здесь завтра остается, так что вам приходить не будет никакой нужды. Ты ведь посидишь днем с Дашкой, солнышко? Познакомитесь заодно. Гулять сходите. У нас тут такие леса! А я постараюсь пораньше вернуться,

и сгоняем на Истринское водохранилище. Ты же еще не видела мой катер? Ну и решено значит! Чего ты там в Москве сидишь, я вообще не понимаю? Дышать нечем. Духотища. Короче, заметано. Да?

Женщина благодарно засуетилась, упаковала щедро подаренную ей индюшку в полиэтиленовый пакет и испарилась.

Я присела на высокий табурет у барной стойки и огляделась. На кухне царил неожиданный для каменного дома с античными скульптурами хайтек. Стальные поверхности, прямые линии, минимализм и в центре всего этого – Макс в переднике! У меня сегодня точно был вечер сюрпризов! Бизнесмен – владелец аптек и больниц – никаким образом не ассоциировался у меня с передником.

– Вина? – спросил он, ловко откупоривая бутылку.

Я кивнула.

– А Даша разве живет не у мамы? – аккуратно поинтересовалась я, выводя пальцем невидимые узоры на черной гранитной столешнице.

– У мамы. Но иногда и тут, – Макс посмотрел на меня внимательно. – А это проблема?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.